

**ЛЕВ
ПУЧКОВ**

СОБАЧЬЯ РАБОТА

ЭКСМО

Собачья работа

Лев Пучков

Собачья работа

«ЭКСМО»

1998

Пучков Л. Н.

Собачья работа / Л. Н. Пучков — «Эксмо», 1998 — (Собачья работа)

ISBN 5-04-002580-7

В городе появился безжалостный и расчетливый убийца. Но не матерый уголовник и не крутой боец спецподразделений. Хладнокровный и опытный профессионал – это нежная, симпатичная женщина, хрупкая, большеглазая Алина. Она готова выполнить «заказ», но страшное надругательство над родной сестрой меняет ее планы: отомстить за сестру, захватить огромную сумму денег, спрятанную в тайнике, и благополучно выйти из игры, вот теперь ее цель...

ISBN 5-04-002580-7

© Пучков Л. Н., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Часть I	5
Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	29
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лев Пучков

Собачья работа

Часть I

БЕЗУСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

Пролог

– Нравится? Да не вороти рожу, смотри, мать твою!!! Нравится?!

Рудин рожу не воротил – за двадцать лет своей собачьей службы и не такое видал. А эти трупы были вполне ничего – ну подумаешь, слегка черепа подпорчены. Кроме того, несмотря на июньскую жару, в холодильнике было прохладно и за сутки химические процессы не успели набрать силу – характерный запах тления ощущался очень слабо. Рудин едва не брякнул: да, мол, нравится, симпатичные «двухсотые», – но сдержался. Нехорошо так – о покойниках... Негодование начальника разведки полка было оправданным: через полтора часа должен прибыть санитарный борт за «двухсотыми», а с бортом – следственная бригада военной прокуратуры под предводительством окружного прокурора для выяснения обстоятельств гибели полковников из комиссии по разоружению.

Полковников убил чеченский снайпер: произвел два выстрела с интервалом в четыре секунды и безнаказанно смылся. А часика этак через три, когда закончилось прочесывание местности, бойцы из расчета «зушки» обнаружили впившуюся в дощатый бруствер окопа арбалетную стрелу, к которой скотчем была примотана записка, выполненная печатными буквами от руки: «Минус два. Всем спасибо. Терминатор».

За этим долбаным Терминатором Рудин, возглавлявший группу ликвидации снайперов, безуспешно охотился уже два месяца. В отличие от других собратьев по ремеслу, пользовавшихся всех подряд, этот паразит обслуживал только важных персон. Он не таскал с собой группу обеспечения, которая хотя и привносит в работу снайпера гарантии относительной безопасности и комфорта, но вместе с тем является сильным демаскирующим фактором. Он умел искусно маскироваться рядом с позициями федеральных сил и терпеливо выждал появления интересующих его особ. Он, вне всякого сомнения, получал из достоверных источников информацию о прибытии начальников. Эти начальники появлялись в зоне ответственности полка неожиданно для Рудина со товарищи: без знаков различия, как правило, под видом никому не опасных интендантов, стараясь соблюсти инкогнито.

Терминатор же «интендантов» ждал. Он молниеносно вычислял их, производил несколько выстрелов – по количеству голов – с интервалом в три-четыре секунды и стремительно уходил. За два месяца зона ответственности полка приобрела в группировке дурную славу, и большие начальники перестали посещать позиции вовсе. Полковники, лежавшие сейчас в холодильнике, о Терминаторе знали – их предупредили сразу же по прибытии. И не то чтобы дядьки упертые были или необстрелянные – опыта вроде бы не занимать. Просто какая-то скотина там, наверху, объявила мораторий на ведение боевых действий с духами, и полковникам нужно было работать: ездить по селам и уговаривать «чехов»¹ продавать им оружие, украденное в свое время у нас же. Из-за этого долбаного моратория весь шум и получился. Если бы полковников приговорили в период активных боевых действий, все пошло бы по нара-

¹ «Чехи» – чеченцы (разг.). – Здесь и далее примеч. авт.

ботанной методике: «Ударим очередной зачисткой по оборзевшей непримиримой оппозиции». Но в настоящий момент имело место так называемое перемирие, утюжить «вертушками» и «градом» окрестные леса было нельзя, а не реагировать на случившееся начальство не имело право. Вот и ждали прокурора...

Как это ни странно, Рудин некоторым образом симпатизировал Терминатору. Во-первых, этот прохвост никогда не трогал солдат, прапорщиков и младших офицеров – возможно, просто не желая заниматься низкооплачиваемой работой. Во-вторых, в его пристрастии оставлять записки прослеживалась некая элегантность и презрение к риску: выстрелив, снайпер перестает быть невидимым для противника, его ищут всеми имеющимися силами на большой площади, а чтобы выпустить стрелу из арбалета, необходимо подойти к позициям довольно близко. И последнее: Рудин, сам профессионал с большой буквы, уважал незримого супостата за высокое мастерство и соблюдение своеобразного кодекса войны. Терминатор никогда не глумился над жертвой подобно тому, как это делали ублюдочные «белые колготки», отстреливавшие у наших бойцов яйца и не дававшие санитарам подползти к истекающему кровью раненому, – «работал» исключительно в голову и ни разу не промазал, не беспокоил в праздники и... не трогал женщин. Полковник медслужбы Сергеева, инспектирующая санитарное состояние временных пунктов дислокации в самый разгар терминаторского марафона, полдня гуляла по позициям, не заботясь о маскировке и повергая добровольных телохранителей в смятение, – после обеда те же самые бойцы злополучного «зушечного» расчета обнаружили впившуюся в бруствер арбалетную стрелу с запиской: «У вас отвратительный макияж, полковник. Рекомендую пользоваться французской косметикой. Терминатор».

– Я их уже видел, – буркнул Рудин, стараясь не смотреть на лица покойников. – Ты зачем меня сюда привел? Вдохновить хочешь?

– Хочу, – зло бросил майор. – Хочу, бляха, чтобы мне перестали тыкать пальцем все, кому не лень!!! Ты считал, бляха, сколько за два месяца этот козел наших парней перех...ярил? Считал, нет?! Хотя чего это я – тебе ж, бляха, люди по фую! Ты ж, бляха, только вот об этих ублюдках думаешь! – начальник разведки резко ткнул пальцем куда-то в направлении пупка Рудина, имея в виду двух здоровенных овчарок, неотлучной тенью маячивших позади хозяина и с любопытством заглядывавших в рефрижератор. «Ублюдкам» жест майора не понравился: они синхронно вздыбили шерсть на загривках и тихо зарычали, пожирая ругателя неприязненными взглядами.

– Отбой, – машинально выдохнул Рудин, пристукнув себя по бедру, и псы сели и замерли, наблюдая за майором. – Зря ты так, Палыч... Ты теперь что – до самой смерти мне будешь это поминать? – Рудин кивнул в сторону носилок с трупами и сглотнул подступивший к горлу комок. – Если считаешь, что я виноват, скажи прямо! А то жлобу заточил, косишься ходишь... Ну, скажи!

– Прокурор с «вертушкой» будет, – обронил майор после некоторой паузы, не глядя на Рудина. – Этот чмо, – он потыкал пальцем в сторону минного поля, простирившегося перед позициями заставы, – он наверняка будет его пасти – жопу дяде подарю, если это не так. Мои, конечно, с утра по «зеленке» ползали, но сам знаешь... В общем, как с поля брякнут, что «вертушка» к нам пошла, берешь свою группу – и вперед. И это... в общем, точно – виноват ты. – Начальник разведки захлопнул дверь рефрижератора и продолжил, немигающе уставившись на подчиненного: – Все вроде правильно ты делал, однако... Ну, короче, Пес, – я ж тебя не первый год знаю... Если б ты своих ублюдков не пожалел, глядишь, эти дядьки не лежали бы в рефрижераторе. Короче, должок за тобой. Если и в этот раз обверзаешься – я тебе руки больше не подам... И скажи, бляха, что я не прав!

Рудин ничего говорить не стал – отвел взгляд в сторону, развернулся и направился к своей землянке – подымать снайперов, отдыхающих после ночного дежурства. Псы затрусили вслед за хозяином, сердито оглядываясь на майора, от которого исходили ощутимые флюиды

недоброжелательности. Ух и вредный мужик! Почему хозяин его терпит? Дал бы заветную команду «Мочи!» – моментом бы на пару порвали наглеца на куски! Нет, не дает – терпит...

Возражать майору Рудин не стал, потому что прекрасно знал: в словах начальника разведки была доля правды. Если бы Рудин не пожалел вчера своих псов, полковники, вполне возможно, некоторое время еще пожили бы. А от Ингрид и Рэма наверняка остались бы два небольших холмика рядом с мусоросборником да рудинская закорючка в графе «потери» собачьего реестра...

– Подъем! – негромко скомандовал Рудин, просунув голову в землянку. – Десять минут на сборы – и на работу!

Над топчаном, расположенным в дальнем углу землянки, приподнялись две бритых головы, одна из которых невнятно выругалась, затем головы вновь исчезли в ворохе соломы, служившей подушкой, но с топчана вставать никто не пожелал. Судя по всему, многоопытный командир группы уже давно привык к подобной реакции на свои распоряжения – по крайней мере расстраиваться и бурно реагировать он не стал.

– Жду минуту, потом пускаю Ингрид с Рэмом к вам – играть в мяч, – флегматично сообщил Рудин в пространство землянки. – Посмотрю, как они вам попы повскрывают.

Услышав о мяче, псы оживленно закрутили хвостами и, радостно поскуливая, попытались пролезть в землянку через узкое пространство между бедром Рудина и дверным косяком.

Между тем у обитателей землянки сообщение Рудина вызвало противоположную реакцию – то ли хлопцы патологически не любили спортивные игры, то ли в тутошной интерпретации «игра в мяч» не совсем соответствовала общепринятым нормам. Над топчаном вновь возникли два бритых черепа, один из которых гнусаво заканючил:

– Ты че, Пес, – офуел?! В семь утра легли! Сам сказал – до развода спать!

– В натуре, Серый, – совесть иметь надо, – хриплым басом протянул второй обитатель землянки. – Мы че тебе – солдаты? Спим, бля, по три часа в сутки – как птички, бля! Нет, ты совсем...

– Минута прошла, – оборвал Рудин, доставая из кармана маленький каучуковый мячик, покрытый многочисленными следами собачьих зубов. Показав мяч собакам, он резко дернул рукой, делая вид, что швыряет многострадальный каучук в землянку, распахнул дверь и, отступив в сторону, скомандовал: «Играть!!!» – а мячик незаметно спрятал за пазуху.

Восторженно взыв, трехгодовалый игрун Рэм бросился в глубь землянки – с секундным опозданием за ним последовала легкомысленная мамаша Ингрид, которая, несмотря на почтенный, по собачьим меркам, возраст, никогда не упускала случая порезвиться с сыном на пару.

В землянке мгновенно образовался неопиcуемый бардак. Не обнаружив «апорт» на полу, псы вскочили на нары и принялись требовать искомое у снайперов, вроде бы в шутку покусывая их за различные части тела и оглушительно лая. Рудин злорадно посмеивался у входа: в короткие периоды относительно мирного существования он приучил свою команду к этой коллективной забаве, в результате чего у псов сложился стереотип поведения – нужно успеть отобрать мяч у одного из снайперов до того момента, пока тот не бросил его напарнику.

– Убери этих козлов, Серый! – отчаянно заорал номер первый – Саша Масловец (боевая кличка, сами понимаете, Масло). – Убери, бля, а то щас порвут!

– От же гондон, сука! – невнятно выругался номер второй – обладатель хриплого баса Кот (в миру – Валера Котов). – Ну пес – он и есть пес! Люди ему по барабану...

Рудин чутким слухом определил, что Кот запрыгнул на стол и находится в относительной недосягаемости для псов. Он уже хотел было пошутить, что, дескать, коты к разряду людей никоим образом не относятся, а потому и пользуются особым расположением собачьего сословия, но в этот момент Кот продолжил тираду:

– ...полковников, бля, сгубил ради своих уродов, теперь до нас добирается, сволочь...

Рудин резко помрачнел – это начинало ему надоедать. Если один из самых близких людей солидарен с начальником разведки, можно представить, что думают по этому поводу остальные однополчане.

– Ко мне! – негромко скомандовал Рудин и, уловив некоторое замешательство псов, не желавших обрывать игру, повысил голос: – Ко мне, я сказал!!!

Семейная пара просочилась через дверь землянки и с обескураженным видом уселась рядом с хозяином – непонятно что-то, то играй, то не играй!

– Десять минут на сборы, – бросил Рудин в распахнутую дверь. – Прокурор будет скоро – пойдем Терминатора пасти...

Группа ликвидации снайперов – это вовсе не круто. Это – от безысходности, это – дань суровой необходимости. Лучшее средство против снайпера вне городских условий – плотный огонь минометного расчета, в прицепе к которому идет хороший корректировщик, и обе эти составляющие в ходе работы находятся на безопасном удалении, вне досягаемости снайперского выстрела. В городе против снайперов хорошо себя зарекомендовали артиллерия и реактивные огнеметы. И не важно, что гаубицы и самоходки не обладают большой точностью, работая по обширным площадям, – совсем необязательно, чтобы снаряд залетел именно в ту комнату, где сидит снайпер. Достаточно нащупать и не спеша начать разрушать дом, в котором комната, где сидит вредный. Подавляющее большинство вражеских снайперов – наемники вничеченского производства, которые ценят свою жизнь и не желают быть камикадзе – им не за это платят.

Однако зачастую случается так, что утюжить минометами «зеленку» нельзя, – как в случае с убитыми вчера полковниками. То мораторий, не вовремя низвергнутый на головы вояк из недр государственной машины, то просто – район договорной. А в населенном пункте сплошь и рядом проявляется игривый нрав представителей военного командования, которые планируют размещение федеральных сил и средств таким образом, что не то что из гаубицы – из пулемета очередь безнаказанно дать нельзя, обязательно попадешь в своих, с соседней заставы, по прихотливой случайности расположенной в секторах твоего блокпоста. Вот и придумали группы ликвидации снайперов, которые, как правило, состоят из кинолога с собачкой (или парой собак) и двух-трех снайперов.

Коэффициент эффективности таких групп довольно низок, поэтому особого внимания им никто не уделяет – в военных мемуарах вы вряд ли встретите восторженные описания работы доморощенных снайперобойцев. Причина проста и по военному времени никому не интересна. Уровень восприятия вибраций, шумов и великолепное чутье позволяют тренированной собаке легко обнаружить затаившегося в «зеленке» или в разрушенном доме снайпера. Ну вот обнаружила она врага, а дальше что? Просто погавкать и сделать стойку – бесполезно: во-первых, хозяин не сможет точно определить местонахождение снайпера, во-вторых, лаем собака выдаст вектор перемещения группы и сорвет боевую задачу. Поэтому собаку для групп уничтожения готовят соответствующим образом: в случае обнаружения снайпера она должна кратчайшим путем и по возможности бесшумно выдвинуться к месту расположения снайпера и вступить с ним в единоборство. Естественно, маскироваться в процессе перемещения собаку научить очень сложно, а в большинстве случаев практически невозможно, поэтому, обнаружив врага – независимо, один он или с группой обеспечения, – пес бросает все дела и сломя голову летит навстречу неизбежной гибели. В ходе подготовки псине внушают ложный постулат – оружие не причиняет вреда. Ее приучают к выстрелам – процесс долгий и краткому описанию не подлежит, – но в конечном итоге собака выстрелы игнорирует. Добраться до снайперской шеи собаке удастся крайне редко – в лучшем случае ей посчастливится заставить группу обеспечения снайпера открыть огонь и тем самым обнаружить место «сидки». Ну вот собачку замочили, снайпер с группой быстренько убрался восвояси, ненадолго оставив в покое облюбованный объект... А что осталось? Остался психически травмированный кинолог – без собаки.

Мелочь по военному времени – кто будет сокрушаться по убиенной псине, когда вокруг пачками гибнут люди?! А вот кинолог... Он долгие месяцы готовил свою собаку к этому сумасшедшему поступку, вложил в нее огромный труд, привязался, как к родному ребенку. Теперь он возьмет в питомнике новую собаку и вновь начнет тренировать – готовить к неминуемой гибели. А для справочки, между делом, следует сообщить, что черствых сухарей, равнодушных к судьбе своих питомцев, среди кинологов нет. Не водятся как-то... Потому-то эффективность групп уничтожения крайне низка. Специалист-собаковод заранее знает, что его зверь обречен, и чисто интуитивно – не потому что сволочь конченная, вовсе нет! – пускается на разнообразные ухищрения, чтобы избежать столкновения со снайпером.

Группа Рудина отличалась от подразделений подобного типа. За семь месяцев она обезвредила девять снайперских бригад и двоих индивидуалов, при этом семейная пара – мама Ингрид и Рэм-сынуля – осталась НЕВРИДИМОЙ.

Данное обстоятельство породило массу полуфантастических слухов и предположений, более похожих на сказки: вся группировка знала, что Пес (это вовсе не ругательство, а официальная боевая кличка Рудина), начав охоту, обязательно аннулирует снайпера, а вот о непреложных составляющих этой удачливости почему-то никто не задумывался – на войне не до этого. Это же обстоятельство, как ни странно, создало вокруг неуловимого Терминатора некий мистический ореол. Никто, кроме начальника разведки полка, почему-то не считал нужным упрекать Рудина в халатности и внезапной потере профессионализма за то, что он два месяца валяет дурака и не может придушить вредителя. Подавляющее большинство, не вдаваясь в подробности, просто считало, что этот снайпер – ОСОБЫЙ...

Вкратце метод Рудина заключался в том, что он практически не обманывал своих питомцев, использовал их нестандартным способом и делал акцент на профессионализм работающих в группе снайперов. Система тренировок была построена таким образом, что у семейной пары Ингрид – Рэм выработалась устойчивая ассоциативная цепочка: обнаруженный враг опасен – о нем необходимо дать знать хозяину – хозяин вычислит врага и убьет его. Были, конечно, многочисленные нюансы, но в целом все просто и доступно – никого не надо хватать за горло и при этом подставлять себя под пули...

Когда группа была готова к выдвижению, Рудин без обиняков высказался:

– Мужики... В том, что получилось вчера, не я один виноват. Это наш общий метод, мы вместе его родили. Угу... Ну, пока он сбоек не давал. А вот вчера он не сработал – осечка вышла. Вот ты, Кот, давеча сказал, что я полковников загубил...

– Трепанулся, братуха, прости засранца, – смущенно пробасил Кот. – Че ж я, не понимаю, что ли? Все лопухнулись – любому дебилу понятно!

– Не-а, не любому, – покачал головой Рудин. – Палыч, например, вполне искренне считает, что это именно я оплошал. Причем чуть ли не преднамеренно...

– Слушай, Пес, хорош выеживаться! – досадливо буркнул Масло. – Ты, когда пи...дюлей от начальства получишь, такие умные слова говоришь – уши в трубочку сворачиваются! Давай пойдем к Палычу и скажем ему, че по чем. А?

– Не стоит, – отказался Рудин, прыгивая в траншею. – Давай лучше пойдем и порвем попу этому пидеру, – он ткнул пальцем в сторону могучей «зеленки», раскинувшейся в трехстах метрах от позиций заставы. – Тогда не надо будет ничего объяснять. Всё, по местам...

На войне снайперы не пользуются убойными машинами, которые показали нам голливудские ребятишки в «Саботаже» и «Шакале». Это, конечно, впечатляющие, но слишком громоздкие и неудобные для пешего передвижения приспособления. Пеший снайпер использует легкие типы вооружения, которые не препятствуют скрытому перемещению, дальность наиболее действенного огня такого оружия не превышает километра. Исходя из этих параметров, группа и строит свою работу: необходимо обследовать километровую полосу, окаймляющую заставу, и «выпасти» в этом радиусе затаившегося врага до того, как он успеет сделать свои

роковые два-три выстрела с интервалом в несколько секунд. Внешне задача выглядит несложной: прогулялся с собачками вокруг заставы, обнаружил супостата и иди себе тушенку потреблять. Есть, правда, один маленький нюансик. Притаившийся в лесу снайпер видит, как кинолог с собаками покидает заставу, наблюдает за ним, пока тот передвигается по открытой местности до опушки, и с легкостью может вычислить маршрут его движения по лесному массиву. А кинолог прекрасно знает, что снайпер его видит, и испытывает при этом соответствующие чувства, присущие любому нормальному человеку, не склонному к самоубийству. Разумеется, снайпер до последнего будет оттягивать момент, когда нужно всадить пулю в лоб специалисту, – он сюда не за этим пришел, есть цели поважнее. Но кто его знает – чего там с утра этот вредоносный снайпер поел и с какой ноги встал?! Никто не даст гарантию, что снайпер в один прекрасный момент не махнет рукой на важную персону, за которой пришел, и в припадке раздражения не пристрелит надоедливую псарию – чтобы не шастал где попало, прицел не застил...

Благополучно миновав полосу МВЗ² и добравшись до опушки, Рудин напористо скомандовал в свой нагрудный карман, где была упакована портативная радиостанция: «Прямо! – И тут же, сбавив тон, добавил: – Шестьдесят пять, северо-запад».

Застывшая в тридцати метрах спереди семейная пара, оживленно тряхнув хвостами, сорвалась с места и затрусилась от просеки в глубь леса. Просека, по которой тянулась высоковольтка, была настоящим спасением и являлась исходной точкой в полосе поиска – она прекрасно просматривалась с заставы на пару километров и не давала снайперу возможности ходить за группой по кругу. Рудин отер внезапно вспотевший лоб и двинулся за псами, максимально расслабившись и чутко прислушиваясь. Снайперы тоже начали перемещаться: Масло, довольно ухмыльнувшись, пошел по траншее к позиции гранатометного расчета ждать следующей команды, а Кот, украдкой перекрестившись и втянув голову в плечи, затрусил по проходу через МВЗ к просеке. Рудин начал работать в его секторе – нужно выдвигаться, занимать позицию и прикрывать.

Связь внутри группы осуществлялась с помощью комплекта радиостанций малого радиуса действия, который трое людей приобрели на свои кровные, – у собак деньги сроду не водились, а Родина давала такую табельную аппаратуру, что пользоваться ею мог только самый безнадежный оптимист с мышцами бодибилдера. Собаки быстро привыкли к небольшим корбочкам, которые крепились к ошейникам, а вот с командами довольно долго ничего не получалось – радиостанция искажала голос хозяина, делая его неузнаваемым. Пришлось пускаться на самые невероятные ухищрения, чтобы заставить хитрых бестий повиноваться.

Перемещаясь по лесному массиву, Рудин наблюдал за поведением псов и фиксировал малейшие изменения обстановки. Километровый участок вокруг заставы он знал как свои пять пальцев – за два месяца облазил его вдоль и поперек и мог с большой вероятностью предсказать, где враг оборудует очередное «гнездо». Беда в том, что удобных мест для этих самых «гнезд» тут было более чем достаточно – природа так распорядилась. Терминатор, как и полагается опытному истребителю, использовал химикаты, на которые собачий нос реагировал весьма болезненно: это было что-то раздражающего действия, вызывающее у собак устойчивый чих и обильную мокроту. За два месяца Рудин приновился к снайперской хитрости: приучил своих питомцев воспринимать химикаты так же, как и человека. Собаки, учуяв поверху нехороший запах, делали «лежку» и опускали нос в землю, оберегая свою слизистую.

Терминатор также приновился к рудинским изыскам: он стал обрабатывать химикатами несколько точек на некотором удалении друг от друга, что затрудняло поиски. Но, в конце концов, человек сам издает сильный запах, оружие пахнет еще острее – все это вместе с противособачьей химией создает специфический фон, нужно только научить псов воспринимать

² Минно-взрывные заграждения.

его и соответствующим образом реагировать. Рудин был близок к тому, чтобы разрешить и эту проблему – вчерашний случай тому подтверждение...

Командир группы замер – псы дали «лежку». Основное отличие метода Рудина заключалось в том, что его собаки не бросались на врага, а ложились и ожидали дальнейших команд. Рудину стоило огромного труда приучить своих питомцев к столь нетипичному поведению. Сослуживцы недоуменно качали головами: псина «пастушьей» породы, почуяв врага, должна стремглав мчаться, чтобы порвать его на части, это естественно. Рудинские псы, если следовать общепринятым стандартам, вели себя как уроды. Но благодаря этому они до сих пор оставались живы и успешно выполняли возложенные на них задачи.

Итак, псы резко плюхнулись на брюхо и уткнули носы в землю, недовольно фыркая.

– Ползи! – распорядился Рудин, отслеживая в бинокль поведение семейной пары. Собаки поползли, показывая направление, в котором был обнаружен запах. Уши торчком, нос в землю. Если бы к химии примешивался запах человеческого тела и ружейной смазки, псы прижали бы уши и нервничали. Химия явно была вчерашней – обильного отделения мокроты не наблюдалось. Рудин разочарованно выдохнул и скомандовал: «Встать! Лево!» – это была пустышка, одна из точек, помеченных еще вчера хитрым Терминатором.

Псы вскочили и затрусили налево. Рудин двинулся следом, недовольно нахмурившись. В тандеме человек – собака, пусть это будет даже самая раскрепощенная и сверхтренированная собака, главную роль играет человек, его умение точно анализировать собачьи реакции и своевременно отдавать нужные команды. Тогда этот тандем боеспособен, его действия эффективны, и человек может рассчитывать, что проживет чуть дольше в условиях войны в отличие от своих менее удачливых собратьев по оружию.

Рудин тяжело вздохнул и смущенно крякнул. Желание жить и сохранить жизнь своим близким – самый сильный из основных инстинктов, однако... Вчера, при аналогичных обстоятельствах, его группа вычислила Терминатора. Псы дали очередную лежку, и реакция их была более чем красноречивой – они даже рычать начали, несмотря на обильную мокроту, вызванную резким химическим запахом. На позициях заставы, метрах в пятистах от Рудина, в это время полковники из комиссии по разоружению выходили из «уазика». Рудин скомандовал ползти – собаки показали направление. В этот момент Рудин, внимательно следивший за поведением питомцев в бинокль, уловил метрах в двухстах спереди слабый проблеск. Рудин превратился в соляной столб и на секунду замешкался – удача была слишком невероятной, чтобы поверить в нее вот так, с ходу. Затем начал ориентировать снайперов – те слегка запутались в секторах и перемещались медленнее, чем было необходимо. В общем, псы лежали, снайперы перемещались, полковники шли по открытой местности, а Рудин не решался дать собакам последнюю команду – жалко было, до самого конца надеялся, что снайперы успеют. А те не успели. Итог известен: собаки остались живы, Терминатор хлопнул полковников и смылся, а Рудин оказался в глубоком дерьме...

Три обнаруженные точки оказались пустышками. Сектор поисков сужался – оставалось что-то около пяти удобных для «гнездовья» местечек, расположенных на незначительном удалении друг от друга. Рудин произвел несложные подсчеты: Терминатор мог пробраться в лес только по одной из четырех разминированных тропинок в юго-западной четверти, граничащей с просекой, перемещаться по кругу поленился, значит, именно там следовало сосредоточить основные усилия.

– Второй, третий, давай оба в юго-западную четверть, – скомандовал Рудин снайперам и ускорил шаг – псы бежали довольно резво, подтверждая его предположение о том, что три четверти полосы лесного массива вокруг заставы сегодня никто не посещал.

Из-за леса донесся гул подлетающей вертолетной пары. Рудин шумно засопел и на всякий случай попросил:

– Хлопцы, шевелитесь. Через три минуты сядут, а мы юго-запад еще не отработали... Шевелитесь!

Вертолеты выскочили из-за леса – один, заложив малый вираж, сразу пошел на посадку, второй двинулся по кругу, контролируя местность.

Псы в очередной раз легли. У Рудина нехорошо кольнуло сердце – прикинув к биноклю, он впился взглядом в своих питомцев. Уши прижаты. Обильное отделение мокроты. Оскал в наличии – рычаг, зверюги. Ну, здравствуй, Терминатор. Метод Рудина обретает свою завершающую форму – хрен положить на твою химию.

– Ползи! – скомандовал Рудин и слезно попросил снайперов: – Хлопцы, он здесь. У вас есть от силы полминуты!

Псы шустро поползли, возбужденно фырка и прижимая хвосты. Рудин вычислил направление – до наиболее удобного места для «гнезда» – немногим более ста пятидесяти метров. Черт, совсем рядом!

«Вертушка» мягко коснулась шасси утрамбованного пяточка посреди расположения заставы. Лопасты подняли обильное облако пыли. Рудин оглянулся и прикусил губу. Через несколько секунд из этого облака покажется прокурор, которому предстоит пройти по открытой местности пятьдесят метров.

Псы продолжали ползти, все чаще приподнимая зады, – нервничали. Рудин внимательно всмотрелся в место предполагаемого «гнездовья» – показалось, что ветка кустарника как-то неправильно дрогнула.

– Вы где? – зловещим шепотом поинтересовался в микрофон. – Вы тут или где?!

– Через десять секунд будем, – хрипло ответил запыхавшийся Кот. – Не бойсь, успеем!

Рудин вновь припал к биноклю. Нет, не показалось – ветка, что дрогнула три секунды назад, сейчас была неестественно согнута и чем-то прикреплена к стволу чахлого деревца.

Лицо Рудина перекосила гримаса отчаяния – оглянувшись, он увидел, как в облаке поднятой лопастями пыли прорисовываются силуэты идущих от вертолета людей. Снайперы не успевали. Ситуация – полный аналог вчерашней, хуже некуда.

– МОЧИ!!! – надрывно крикнул Рудин, забыв нажать на тангенту рации.

Псы услышали. Привитая установка – не трогать обнаруженную добычу – была разбита тысячелетним инстинктом хищника: резко стартовав с места, две серые тени рванули вперед, стремительно сокращая расстояние до заветных кустов, в которых затаился ВРАГ.

Бросив бинокль, Рудин смахнул внезапно выступившие слезы, поудобнее встал на колено и вдавил приклад «АКСа» в плечо, поводя стволом в сторону предполагаемого «гнезда».

Ба-бах! – раскатисто шарахнул первый выстрел – Рэма, несущегося на пару корпусов впереди мамы, подбросило вверх, он упал ничком и замер без движения.

Ба-бах! – второй выстрел, последовавший буквально спустя полторы секунды, отшвырнул Ингрид в сторону; хрипло завизжав, она несколько раз крутанулась на спине, выгибая шею и пытаясь укусить себя за правую ляжку.

Рудин словил последнюю вспышку в прорезь прицельной планки, стиснув зубы, выдохнул: «НА!!!» – и нажал на спусковой крючок, выпуская весь магазин в направлении супостата. С той стороны послышался пронзительный вопль – тонкий, леденящий душу, словно кричал ребенок.

Отработанным движением сменив магазин, Рудин вскочил и бросился вперед. В этот момент в кустах полыхнула третья вспышка – Рудина будто кто-то кувалдой по ноге жакнул, сила удара развернула его почти на 180 градусов. Не успев сообразить, что произошло, он повернулся и заковылял по инерции вперед, привлекая мгновенно онемевшую правую ногу.

Четвертую вспышку он тоже увидел, но звука выстрела уже не ощутил – огненная пчела ужалила под правую ключицу, швырнула на землю, подхватила и уволокла в черную мглу НЕБЫТИЯ...

Глава 1

– О-о! Ты с кем, красотуля? Или сама по себе? – Один из трех здоровенных секьюрити в смокинге загородил дверь ресторанного входа и не торопился уступать дорогу, впиваясь взглядом в острый угол Алисиного декольте, – еще чуть-чуть, и нырнет.

– Странно... а мне сказали, что здесь приличное заведение. – Алиса изобразила презрительную гримасу, извлекла записную книжку с ручкой и чиркнула фамилию атлета, красовавшуюся на пластиковом жетоне на его груди. – А тут хамят – не успеешь зайти. Или в вашей забегаловке принято всем тыкать?

– О как! – обескураженно пробормотал секьюрити, растерянно оглядываясь. – Извините, мэм... Я вас перепутал – показалось, раньше встречались – ну, в повседневной обстановке...

– Туда, где я бываю в повседневной обстановке, тебя разве что полы помыть пустили бы, – дерзко заявила Алиса. – А я с полотерами как-то не того... не мой стиль. Списочек посмотри, малыш, – двенадцатый столик, Сергеева.

Атлет выдернул из нагрудного кармана список заказов, нашел требуемую строчку и, слегка поклонившись, потянул на себя огромную стеклянную дверь:

– Проходите, мэм. И пожалуйста, не говорите об этом маленьком инциденте мэтру – у меня семья, знаете ли...

– Посмотрим на ваше поведение, юноша, – буркнула Алиса, заходя в вестибюль и направляясь к овальному зеркалу в золоченой старинной раме, расположенному между двумя витыми лестницами, ведущими в Большой зал. В вестибюле, кроме еще одной тройцы стандартных шкафчиков в смокингах, никого более не было – по всей видимости, мэтр пошел провожать прибывших накануне завсегдатаев. Поправляя прическу, Алиса несколько секунд наблюдала за секьюрити – парни вели себя нормально, пялились на гостью и перешептывались с сибаритствующим видом.

– Поздравляю, старушка, – одними губами сказала себе Алиса. – На тебя смотрят здоровые самцы... Что, есть на что посмотреть? – и придиричиво оглядела свое отражение в зеркале.

Посмотреть действительно было на что – «старушка» выглядела на все сто. Метр семьдесят пять, шестьдесят пять кило, 96—65—100 – не голливудский, конечно, стандарт, но в комплексе все смотрится вполне завлекательно: длинные точеные ножки, осиная талия, попка кругленькая, да плюс ко всему – копна свежeweымытых, хорошо уложенных воздушных волос цвета спелой пшеницы, большущие зеленые глаза под мохнатыми ресницами, не нуждающимися в туши, и чуть скуластое личико, некоторым образом нестандартное и вместе с тем весьма пикантное в этой своей нестандартности.

– А пасть? – усомнилась Алиса, доставая из сумочки помаду и критически делая губы бантиком. В этом плане у нее был пункт – завкафедрой, старый маразматик, частенько грубо шутил над подчиненной, которая в ходе жарких дебатов на научные темы принималась громко доказывать свою правоту, что называется, «во весь рот».

– В такую пасть, рыбонька моя, да арбузы класть! – вот так говорил этот никчемный полумужикашка, вообразивший себя пожившим и все повидавшим знатоком жизни. Ну действительно, всю жизнь Алиса считала, что у нее непропорционально большой рот, – был такой грех!

– Враки все это! – сердито прошептала Алиса, подкрашивая губы. Из зеркала на нее смотрела очень даже симпатичная дама. Рот большим не казался – чувственные, слегка подкрашенные губы могли свести с ума любого мужчину.

– Вот тебе и синий чулок, – с некоторой растерянностью пробормотала Алиса, закончив осмотр. – Я вам еще всем покажу! – после чего украдкой извлекла из сумочки листок с планом,

несколько секунд потратила на изучение расположения столиков, упрятала листок обратно и поднялась по правой лестнице наверх.

В зале было хорошо. Мастерски подобранное освещение и благородный бархат портьер скрадывали огромные размеры помещения. Ансамбль, состоявший из нескольких наиболее одаренных студентов Белогорской консерватории, на небольшой эстраде в углу ласково издевался над инструментами, разминаясь перед основной частью, – гонять «фанеру» в «Парадизе» считалось признаком дурного тона, до такого не опускались. Немногочисленная публика имела место – основная часть завсегдатаев подтянется часам к десяти вечера. От занятых столиков к кухонной двери незаметными тенями путешествовали вышколенные официанты, казавшиеся предметами интерьера, которые должны прилежно функционировать, не мешая посетителям отдыхать.

Танцующей походкой прошествовав по центральному проходу, Алиса добралась до своего столика, подождала, когда подскочивший парнишка в униформе отодвинет стул, и чинно уселась, не торопясь брать предложенное меню.

– Добрый вечер, сударыня, – неслышно возникший откуда-то сбоку мэтр был чудовищно элегантен и походил на Шона Коннери в эпоху расцвета. – Вы у нас впервые. Позвольте прокомментировать карту вин.

– А что – есть необходимость? – Алиса небрежно раскрыла меню на последней странице и хитро прищурилась на «Шона». – Или содержимое вашего погреба не соответствует стандартному европейскому набору?

– Так я это... из лучших, так сказать, побуждений, – сконфуженно забормотал мэтр. – У нас все самое лучшее, все настоящее... Гхм... Вот.

– Спасибо, тронута, – вальяжно произнесла Алиса, нащупав взглядом самую большую цифру в каталоге вин. – Это хорошо, что все настоящее. Пожалуй, подайте бутылочку ммм... вот – «Шато Бель Эвек». В вашем городе еще не научились подделывать «Шато Бель Эвек»?

– Господь с вами, сударыня! – улыбнулся мэтр. – Ну кто ж его будет подделывать?! Всего-то на всю Россию, так сказать, пять-десять тысяч бутылок ежегодно! И потом – цена, вы цену-то посмотрите. Одна бутылка стоит, как хороший ужин на троих в среднем ресторане. Это ж не себестоимость – просто редкость, потому так дорого... Кроме того, сударыня, – тут мэтр хитро прищурился и вежливо подмигнул Алисе, – если вы пробовали настоящий «Шато Бель Эвек», вы обнаружите фальшивку. Подлинный аромат и привкус – его ничем не заменишь... Итак?

– В смысле – «итак»? – притворно нахмурилась Алиса. – Я, кажется, сказала, что хочу. А из блюд... – тут она быстренько припомнила все, чему ее накануне учила Алина, и профессионально сделала заказ.

– Сию минуту, сударыня! – расплылся в обворожительной улыбке мэтр, отсылая официанта на кухню и предупредительно плеская Алисе в стакан минералки. – А вино я вам сам принесу – произведение искусства, так сказать, требует бережного обращения. Пять минут... – и тоже ушуршал в сторону кухни.

– Фу-ты Господи! – нервно выдохнула Алиса, оставшись в одиночестве и залпом осушая стакан с водой. – Ну, старушка, вроде все нормально. Пока эта забегаловка мне нравится...

А теперь, уважаемый читатель, предлагаю сделать небольшую паузу. Пока Алиса ожидает заказ и приходит в себя, давайте познакомимся с этой дамой и обсудим некоторые странности в ее поведении.

Итак, Алиса Рудольфовна Сергеева, 35 лет от роду, жительница Белогорска. Преподаватель романо-германского факультета Белогорского государственного университета (далее – БГУ), не замужем, поддерживает отношения с престарелой матерью, что живет в небольшом селе километрах в сорока от Белогорска, и сестрой Алиной, которая живет черт знает где. Проживает в двухкомнатной хрущобе, полученной от университета лет восемь назад, воспитывает сына Борьку – хулиганистое симпатичное существо одиннадцати лет. Зарплату в университете

платят мизерную, и, желая подзаработать на жизнь, Алиса... нет-нет, не стоит кривить пухлые губы в саркастической ухмылке! Алиса вовсе не торгует своим прекрасным телом – не так воспитана. Эта дамочка уже давненько не обращает особого внимания на свое тело и не считает его прекрасным – все как-то недосуг. Алиса в совершенстве владеет тремя языками: итальянским, немецким и французским – с детства увлекалась постижением тайн чуждой речи. Она делает технические переводы для нескольких фирм и таким образом довольно сносно зарабатывает на жизнь, получая почти в два раза больше, чем за свой педагогический труд. Вот эта дополнительная работа отнимает много времени и делает такое понятие, как «личная жизнь», абстрактной величиной. Но Алиса привыкла – личная жизнь, собственно, ей не так уж и необходима. Зато они с сыном хорошо питаются, не ходят в обдергаловке доперестроечного пошива, как остальные обитатели хрущоб, и, кроме того, раз в неделю, наезжая в гости к матери и живущим по соседству родителям мужа – Борькиным бабододам (сугубо Борькино определение, никакой отсебятины), Алиса может позволить себе роскошь притащить старикам объемистую сумку с продуктами – на пенсию сейчас не особенно и разбежишься.

Некоторые могут поинтересоваться: а что же бывший муж, который отец Борьки, – не помогает? Нет, не помогает – и совсем он не бывший. Его просто нет... Десять лет назад, когда Борьке едва исполнился год, семейная пара с коляской гуляла вечером в парке. Лето имело место, духота стояла, Алиса была облачена в легкомысленное коротенькое платьице с бретельками, отнюдь не скрывавшее всех прелестей молодой цветущей мамы. Увлечшись беседой, они забрались в глухой уголок парка, где столкнулись с тремя подвыпившими ублюдками предармейского возраста, которые отличались весьма крепким телосложением и полным отсутствием цивилизованных манер. Не говоря лишних слов, троица набросилась на молодых супругов – мужа зверски избили, а Алису потащили в первые попавшиеся кусты, зверовато взрыкивая от вожделения. Алиса отчаянно кричала, на шум откуда-то прибежала целая куча запыхавшихся пацанов в кимоно – видимо, какая-то юношеская секция занималась неподалеку: сплошь мелочь пузатая, но настроены воинственно. Насильники ретировались ни с чем. Спустя трое суток муж Алисы от полученных побоев скончался в больнице, не приходя в сознание. Вот такая прогулочка получилась. Борька стал безотцовщиной, родители мужа едва оправились от горя, а Алиса... У Алисы вследствие перенесенного потрясения возник какой-то особый комплекс латентной сексуальной фобии. Вот уже десять лет она таскает джинсовые комбинезоны на пару размеров больше, чем надо, ужасные клетчатые платья по щиколотку да с глухими стоячими воротниками, стоптанные кроссовки и башмаки на рифленой подошве; косметикой и парфюмерией не пользуется, волосы стягивает резинкой в «конский хвост», носит большущие «нулевые» «хамелеоны» в преотвратной черепаховой оправе и показательно курит на людях – подспудно желая еще более походить на мужчину. Мужчины в жизни Алисы как таковые отсутствуют. За десять лет у нее было несколько мимолетных связей с коллегами по БГУ – как правило, во время групповых вечеринок внутрипрофессиональной ориентации да на пьяную голову, – на следующий день такая связь как-то спонтанно самоликвидировалась, не оставив и следа...

– Соблаговолите отпробовать, сударыня, – мэтр возник за спиной бесшумно, как китайский разведчик, серебряным штопором откупорил бутылку и плеснул самую малость в бокал. Алиса вспомнила, как в таких ситуациях поступают героини фильмов, покрутила бокал перед носом, разгоняя вино по хрустальным стенкам, пригубила чуть-чуть...

– Оставьте, это оно, – произнесла она небрежным тоном светской львицы, которая полжизни провела в лучших ресторанах Европы. – Я рада, что у вас все соответствует.

– Я постараюсь, чтобы вам у нас понравилось, сударыня, – бархатным голосом пропел мэтр, поедая Алису преданным взглядом. – Если что понадобится – всегда, так сказать, к вашим услугам. А пока – извините, дела...

«Шон» направился к выходу – встречать очередных посетителей. Официант притащил салаты, сок и сообщил, что основные блюда будут спустя некоторое время. Через несколько минут начали подтягиваться завсегдатаи – ресторанный зал постепенно наполнялся народом. Ансамбль в углу приступил к обязательной программе – все у них было отлажено и прекрасно звучало, не нарушая общей гармонии бархатного вечера. Алиса сидела, осматриваясь по сто-ронам, неспешно потягивала вино и наслаждалась непривычной атмосферой тотального празд-нества жизни.

«Умеют же некоторые жить, старушка, – с некоторым сожалением пробормотала Алиса, повторно наполняя бокал и рассматривая бутылку на свет. – И, судя по их гладким физиям, совсем не обязательно для этого обливаться кровавым трудовым потом. Вот метрдотель, ско-тинка, – ничего такого вроде бы не делает, холуйская рожа, а наверняка ведь не бедствует! „Сударыня“! „Так сказать“! Знал бы, кого принимаешь, наверняка, халдей, и пальцем бы не пошевелил! А тут – распустил хвост...»

В это время «холуйская рожа» стоял по стойке «смирно» в большом кабинете на третьем этаже «Парадиза» и ел глазами крепенького смуглого мужичка, расположившегося в кресле у стеллажа с парой десятков цветных мониторов. Звали мужичка Геннадий Юрьевич Кулькин, он являлся коммерческим директором «Парадиза» и, несмотря на смешную фамилию, имел высокий рейтинг в социально-экономической табели о рангах Белогорской области. Десять минут назад Геннадий Юрьевич прибыл в ресторан, прошелся по залу и теперь пожелал мэтра кое о чем порасспросить.

– У нас новенькая? – Кулькин постучал кончиком текстолитовой указки по экрану мони-тора, который воспроизводил изображение Алисиного столика. – Ну ты погляди, какая пре-лесть... Конфетка! Кто оформил? Почему я не знаю?

– Это клиент, – торопливо сообщил мэтр. – Ну, Геннадий Юрьевич, – вы даете! Неужто без вашего разрешения...

– В смысле – клиент? – удивился Кулькин, оборачиваясь к начальнику службы безопас-ности «Парадиза» – симпатичному здоровяку Жеке Косорукову. – Чья-то дама? Почему я не знаю?!

– Ни к кому из наших крутых она никаким боком, – нимало не смутившись, заявил Жека, всматриваясь в экран, и, переглянувшись с двумя операторами, дежурившими у мониторов, уверенно добавил: – Я отвечаю, шеф.

– Был заказ – по телефону, – поспешил пояснить мэтр. – Сергеева Алиса. Столик на вечер. Так сказать, отдохнуть. Кстати, с ходу взяла самое дорогое вино, не вдаваясь в подроб-ности, – хотя в каталоге имеются вина гораздо лучше и дешевле...

– Кто она такая? – Кулькин смерил здорового Жеку недовольным взглядом. – Нормаль-ные люди в наш кабак не ходят – дорого. Если чья-то подружка, то чья? Если шлюха – почему без разрешения? Нет, ну наглость – такого у нас еще не бывало! Если... Черт! Почему я не знаю? Если сама по себе – то кто ж она такая? Ты за что бабки получаешь, мальчик?

– Я, между прочим, с тобой приехал, шеф, – буркнул побагровевший от смущения Жека, направляясь на выход. – Но вины своей не отрицаю... Короче, через десять минут будет тебе вся информация...

Между тем причина недовольства господина Кулькина, ни о чем не подозревая, насла-ждалась жизнью. Вино Алисе понравилось – хотя особой разницы между двадцатирублевым каберне и этим диковинным напитком по сто пятьдесят баксов за бутылку она не заметила. Алиса не разбиралась в винах, потому как употребляла оные крайне редко. Обворожительная музыка и интимное освещение будоражили воображение, заинтересованные взгляды мужчин приятно ласкали не привыкшее к такому изысканному наряду тело. Казалось, сегодня особен-ный день, и на ум приходили дурацкие аналогии из сказки о Золушке.

– А еще ведь и мужик будет, старушка! – с каким-то веселым ужасом пробормотала Алиса, и, обнаружив вдруг, что вина в бутылке осталось немногим более четверти, тут же махнула рукой официанту – потребовала вторую бутылку. – Н-н-ну, оторвусь – держите меня! Да, эта забегаловка мне определенно нравится...

Следует заметить, что «забегаловка» Алисе понравилась не потому, что являла собою самое фешенебельное заведение развлекательного типа в Белогорской области. Открою маленький секрет: Алиса – прекрасная дама, удостоенная в этот вечер внимания многих мужчин, была в ресторане впервые в жизни. Так уж получилось, что не довелось посещать учреждения подобного типа: обитатели круга, в котором вращалась Алиса, предпочитали оттягиваться в пределах квартирно-кухонного интерьера, не распространяя свои амбиции далее. Даже свадьбу Алисы играли во дворе родителей жениха, которые проживали в собственном доме, что по соседству с усадьбой родителей невесты. И вообще, если бы неделю назад кто-нибудь сказал Алисе, что она рискнет развлечься таким вот образом, она приняла бы этого сказателя за сумасшедшего и по простоте душевной двинула бы системным блоком по черепу (у нее дома компьютер стоит) за такие идиотские шутки. Судите сами – после десяти лет добровольного заточения в объемные джинсовые комбезы и отвратные клетчатые платья от подбородка до пят, мытья волос детским шампунем раз в неделю (все равно в «конский хвост» скручивать – стараться не стоит!), полного отказа от макияжа и парфюмерии, после всего этого и вдруг... Нет, вы только послушайте, как это звучит! Посетить салон красоты на предмет маски, маникюра, французской укладки и принятия специальной ароматной ванны – раз. Выслушать подробный инструктаж о правилах поведения в заведениях типа «Парадиз» и даже кое-что записать для верности – два. Натянуть дорогой, подчеркивающий все женские прелести костюм с чужого плеча – три. И последнее: надушиться чужими духами, взять чужую сумочку, чужие деньги и отправиться в самый дорогой кабац, чтобы... совратить чужого мужика... Ну и как вам?!

– Слушай, Ли, ты сдурела на старости лет? Или у тебя это от перенапряга? – вот так Алиса отреагировала два дня назад на предложение сестры развлечься указанным выше способом.

– А что тебе не нравится? – удивилась Алина. – Деньги я тебе даю. Отдохнешь в первоклассном ресторане, почувствуешь себя женщиной, если повезет – закадришь крутого мужика...

– Я, конечно, зарабатываю не в пример меньше тебя, радость моя, – с тихой угрозой в голосе начала Алиса. – И вариант стать проституткой из списка способов добычи средств к существованию полностью не исключала... Но я пока не настолько опустилась, чтобы...

– Ну что ты несешь?! – возмутилась Алина. – «Проституткой»! «Зарабатываю»! Слушать противно... Во-первых, никто не заставляет тебя с ним спать. Закадрить – это совсем не то, что ты себе представляешь. Достаточно будет, если ты с ним познакомишься, заинтересуешь его как женщина и дашь аванс на продолжение ваших отношений... Во-вторых, если я хоть что-то понимаю в людях, он должен тебе понравиться. У тебя сколько времени не было мужика?

– Я прекрасно обхожусь без этих... – попыталась было огрызнуться Алиса. – Они мне противны...

– Молчи, молчи! – Алина небрежно махнула на нее ладошкой и скривила свое хорошенькое личико в презрительной гримасе. – Этак у тебя скоро бешенство матки будет – я тебе гарантирую! На кого ты похожа? Старушка... В-третьих, если он тебе не понравится, ты можешь в любую минуту сделать ему ручкой. О'ревуар, мол, мон шер – у вас подмышки пахнут... И еще – учти такой момент: этот дядечка мне очень нужен. От того, насколько успешно нам удастся подбить к нему клинья, зависит успех моей фирмы, а значит, и мой успех. А я – напоминаю – я твоя сестра, твоя половинка. Мой успех – твой успех. Я же ради нас обеих стараюсь... Черт! Впервые в жизни я прошу у нее помощи, и она становится в позу! Ну что – что тебе мешает сделать это?!

– Шла бы сама, – пробормотала Алиса, избегая смотреть сестре в глаза. – Ты у нас салонная львица – тебе такие приключения не впервой...

– Да в том-то и дело, что львица! – сокрушенно всплеснула руками Алина. – В том-то и дело... Понимаешь – он хищник. Плотоядный. Раззявы на такую высоту не забираются. Он уже давно пресытился обилием хорошо упакованного молодого тела, которое его окружает, он чувствует каждый нюанс, каждую деталь в поведении женщины – я достаточно хорошо изучила заочно особенности его натуры.

– А я уже отнюдь не молодое тело и вовсе не хорошо упакованное, – отпарировала Алиса. – И я не умею вешаться на шею мужикам – они мне противны...

– Не надо вешаться, – заверила Алина. – Он должен сам клюнуть – можешь мне поверить. Ты, как это ни парадоксально, для таких типов – лакомый кусок. Непрофессионалка... Понимаешь? Он сразу почувствует, что ты дилетантка, в мгновение ока распознает твою беззащитность и тщательно маскируемую чувственность, узреет в тебе непорочную нравственную чистоту... В общем, могу поспорить – на третьем медленном танце он припрется тебя приглашать. А я посажу тебя так, чтобы ему не нужно было далеко идти... Ну?

– Не нукай, не запрягла! – грубо рывкнула Алиса, в отчаянии закусив губу. – Мне надо подумать. Ну не могу я вот так сразу...

– Думай, радость моя, думай! – согласилась Алина, хватая со стола сигареты и отправляясь на кухню. – Не буду тебе мешать...

Алиса тяжело вздохнула и принялась расхаживать по комнате, пытаясь разложить по полочкам сложившуюся ситуацию. Нет, криминала, конечно, никакого нет. Прогуляться в ресторан, отдохнуть, закадрить... Смущала необычность мероприятия. Непредсказуемость последствий. Столько лет Алиса жила в замкнутом мирке, тщательно охраняемом ею от посторонних. Она привыкла к этому образу жизни и не хотела его менять. А сейчас, если все получится так, как задумала Алина, этот уютный и обособленный мир может разбиться вдребезги, потому что придется впускать в него чужого человека, который неизвестно как себя поведет...

– Черт, не ребенок! – в отчаянии пробормотала Алиса. – И откуда ты на мою голову свалилась?! Лучше бы тебя вовсе не было...

Алина «свалилась» год назад. Поздним вечером позвонила в дверь и, будто не отсутствовала безвестно более трех лет, как ни в чем не бывало швырнула на диван объемистые пакеты с подарками, чмокнула оторопевшую от неожиданности Алису в щеку и пробормотала устало: «Колонка работает? Мыться хочу – грязная как черт! На вашем паровозе прокатиться – что вагон угля разгрузить...»

История трагической разлуки близняшек и последующего чудесного воссоединения этих двух половинок некой общей сущности настолько заезжена деятелями кино и литературы, что при одном упоминании о намечающейся интриге в этом направлении у многих читателей начинает нервно дрожать нижняя губа – своеобразная аллергическая реакция на осточертевший сюжет. Расслабьтесь, я не собираюсь вас грузить надоевшими сюжетными перипетиями – никакого трагизма и лирики в истории близняшек Алисы и Алины не было. Росли вместе, жили душа в душу, носили одинаковые платица и почти одинаковые имена (проявляя строптивый характер, Алина с детства требовала, чтобы ее звали Ли, а сестру упорно обзывала – Лиса), а как окончили школу, добровольно разъехались: Алиса поступила в БГУ, а Алина отправилась к родственникам отца в Прибалтику – дед с бабкой грозились пристроить внучку в какой-то престижный экономический вуз. Спустя некоторое время отец близняшек поехал на родину предков и утонул там в славной реке Даугаве – ногу судорогой свело. После этого Алина наезжала в Белогорск довольно редко – раз в полгода, чтобы навестить мать и сестру. Алиса знала, что сестра работает в какой-то крупной фирме с выходом на забугорное пространство, головной офис которой располагается в Москве, а три основных филиала – в странах Балтии. Чем она там занимается, Алина не распространялась – но судя по дорогим подаркам, сногшиба-

тельными нарядам и неподдельному лоску светской львицы, который приобретается только в течение многолетнего вращения в определенных сферах, прибалтийская юность пошла впрок сельской девчонке. Замуж Алина не собиралась, а на увещевания матери каждый раз цинично отвечала: «У меня все есть, я сама зарабатываю – добытчик не нужен. Если мне нравится мужик, я беру его и пользуюсь, пока не надоест. А чтобы стирать чьи-то вонючие носки и терпеть пьяные выходки... Ну, мать, ты что – совсем?!»

Четыре года назад Алина исчезла. Попытки обнаружить ее через родственников отца в Балтии успехом не увенчались: они знали о пропавшей примерно то же, что и Алиса с матерью. Никто не знал, на какую фирму она трудится и где можно отыскать какие-то намеки существования этой фирмы в природе. Погоревали, как водится, подали во всероссийский и всебалтийский розыск, а спустя три года она заявила как ни в чем не бывало: похудевшая, повзрослевшая, покрытая бронзовым загаром... и какая-то чужая.

– Стучаться надо! – Алиса метнулась было вслед за сестрой в ванную, чтобы забрать тазик с отжатым чистым бельем, – и нарвалась на грубый окрик. Алина прикрыла тело баннным полотенцем – в глазах ее сверкнул какой-то странный враждебный огонек.

– Ну ты... ты что – за три года пол поменяла? – обиделась Алиса. – Или у тебя третья титка выросла? Че орешь-то?

– Фу-ты черт! Извини... Привыкла, что постоянно в мужской компании. Этим яйцезаврам спуску давать нельзя – только зазевайся, моментально урчать пристроятся, – деланно улыбнулась Алина, – полотенце, однако, опускать не спешила. – Да и пацан у тебя уже взрослый...

С тех пор Алина появлялась в квартире сестры довольно часто. Приезжала поздно вечером, когда соседи уже укладывались спать и на улицах было безлюдно. Причину трехлетнего отсутствия освещать не пожелала – занята, мол, была по горло, и все тут. Алису и мать строго предупредила: в разговорах со знакомыми о ее появлении упоминать не стоит. В розыске так в розыске – пусть все будет по-прежнему. Алиса, естественно, потребовала объяснить столь странное поведение, на что сестра ответила довольно туманно: «Ты же в курсе, что все большие фирмы по сути своей полукриминальны. Моя – не исключение. Мы сейчас выходим на международный уровень – сложный период, катаклизмы и так далее. А о промышленном шпионаже слыхала? Нет-нет, никакой уголовщины, что ты! Но представь себе, ты разработала некую технологию, сулящую многомиллионные прибыли, а я эту технологию у тебя тривиально сперла... За это, детка, запросто могут шлепнуть – ресничками взмахнуть не успеешь. В общем, я как раз сейчас этим занимаюсь – готовлю трамплин для своей фирмы в нашем регионе...»

«Интересно, интересно». – Кулькин задумчиво смотрел на три экрана, дававшие крупный план Алисиного столика, и помахивал зажатым в пальцах левой руки листком, на котором в несколько скупых столбцов уместилась вся информация об интересующей коммерческого директора даме.

– Какая занятная штучка... Ох ты, ягодка сочная... Бабки, поди, полгода копила. Ага... По всему видать, неисторченная, дилетантка... Этакая нравственная целка – куда ни сунь, везде печать запрета. Ммм-да, куда там нашим прости Господи...

– Что, шеф, на свежатинку потянуло? – ласково пошутил Жека, через плечо хозяина глядя на экраны и понимающе улыбаясь. – О какая, а?! Да еще ничья – ты посмотри...

– То-то, что ничья, – рассеянно пробормотал Кулькин, в третий раз бегло просматривая листок. – Пока ничья... А ты посмотри, кто там неподалеку сидит, – коммерческий директор покрутил ручку на одном из мониторов, приближая план. – Сидит и ест глазами, скотина, – скоро бросится... Угу-угу... Есть, знаешь ли, у меня мыслишка – насчет того, чего это ее к нам занесло. А к мыслишке – идея. Ммм... Очень даже соблазнительная идея. Так-так... Так. Ага! А ну – дуй вниз. Через пару минут начнется медленный танец...

...В 21.55, как и обещала Алина, появился объект. Сначала в зал зашли три мальчугана в одинаковых костюмах – не шибко здоровые, но элегантные и высокие, под стать хозяйну. Зашли, прогулялись как бы между делом по центральному проходу, протиснулись между танцующими парами, осмотрели столик, стоявший через кактус от Алисы, и, усевшись за соседний стол, сообщили по «уоки-токи», что все в норме. Спустя пару минут появились еще четверо – высокие, стройные, в одинаковых костюмах, оттопыривающихся под мышками. Одного из четверки усадили за столик через кактус – теперь было заметно, что он старше телохранителей как минимум в два раза, остальные трое сели за стол напротив. Таким образом, ловкие телохранители взяли хозяина в клещи: сзади – стена, справа и слева – по тройке со стволами, прямо по курсу, метрах в пяти, кактус, а за кактусом – Алиса, потенциальный субъект нападения.

«А я, пожалуй, могла бы тебя шлепнуть, красавчик, – подумала Алиса, припоминая аналогичные ситуации из просмотренных ею боевиков. – Ручку под столик – раз! – в сумочку. Пистоль достала и...» – Тут Алиса шаловливо полезла рукой под стол, нащупывая на соседнем стуле свою сумочку. Объект что-то говорил подскочившему мэтру, не обращая на нее никакого внимания. Зато ребяташки за соседними столами как по команде уставились на Алисину руку и синхронно расстегнули верхние пуговицы пиджаков.

– По-шу-ти-и-ила, – одними губами прошептала Алиса, осторожно кладя сумочку на стол и медленно доставая из нее сигареты. – Ух, овчарки! Одно неверное движение – в щепки изрубят. Нет, в боевиках что-то не то показывают. То ли там всегда телохранители полные дегенераты, то ли сценарист конченный алкаш...

Вечер продолжался. Мужик за столиком напротив пил коньяк, ждал заказ и с интересом рассматривал Алису. Алиса медленно цедила последний бокал вина, изображала томность и косилась на мужика. Ничего себе объектик. Виктор Борисович Круглов. Президент корпорации «Технотрон»...

«Чего делает? Ну, оргтехникой торгует. – Так Алина отрекомендовала накануне объект внимания. – Да, очень крутой – круче некуда. Суммарное состояние, по самым скромным подсчетам, около полумиллиарда баксов. Близкий друг одного из соучредителей концерна „Микрософт“, владелец дочернего филиала, выпускающего патентованные сидиромы... Как это „ни о чем не говорит“?! Да ты что, радость моя! Вон у тебя „четыреста восемьдесят шестой“ стоит – так практически все, что на нем есть, – это „Микрософт“... Нет, я поняла, что ты только тексты набираешь, но такие вещи нельзя не знать! Нет, ну темная ты – слов нет...»

Круглов Алисе понравился. Элегантный, сдержанный, холеный – в каждом движении чувствуется скрытая сила. Вопреки ожиданиям, он не стал бросать на сидевшую напротив даму мимолетные пренебрежительные взоры пресытившегося ловеласа – сразу, как обратил внимание, впился взглядом и не отпускал. Настойчиво этак рассматривал, с видимым интересом – сейчас еще пару фужеров засадит, подскочит и начнет трусики рвать!

– Ох ты наглый! – прошептала Алиса, стараясь не встречаться взглядом с объектом и продолжая изображать томность. – Смотрит тоже... Можешь не смотреть, я не такая...

Заиграли очередной медленный танец. Круглов привстал было, подался вперед – у Алисы сладко екнуло что-то внизу живота, в голове кто-то вредный отчаянно крикнул: «Щас отдамся!!!», но глазки потупила, неиспорченность изображать нужно до последнего, чтобы все было натурально...

В этот момент откуда ни возьмись подскочил здоровенный мужлан в смокинге, тоже симпатичный, с разбойничьим взглядом и разухабистыми манерами.

– Потанцуем, мэм? – обдав приятным ароматом хорошего ликера, вежливо склонился, наполовину заслонив дородным телом объект, – однако видно было, что он объект водрузил задницу на стул и грустно скрестил руки на груди – сдался без боя! – Обожаю танцевать с прекрасными незнакомками...

– Гуляй, малыш, – досадливо буркнула Алиса. – Не танцую!

– Вы делаете ошибку, мэм, – ласково забубнил здоровый. – Кстати, меня зовут Женья... Так вот – все смотрят. Вы у нас первый раз и не знаете: если вы меня сейчас отбреете, вас больше никто не пригласит – гарантирую. У нас так принято. А впереди еще много медленных танцев, так что...

– Ну и переживу как-нибудь, – презрительно фыркнула Алиса. – Я сюда, между прочим, не за этим пришла. Гуляй, малыш!

– Ну что вам стоит, мэм! – здоровый скорчил уморительную гримасу и прижал руки к груди. – Я вас очень прошу, приставать не буду, честное слово!

– Ну что с вами делать... – Алиса решила не испытывать судьбу – сестра сказала, что Круглов тратит на ужин не более трех часов и пьет крайне мало – чтобы чуть-чуть расслабиться. А сидит он уже что-то около сорока минут... Вдруг действительно увидит, что дамочка не танцует, и решит не делать попыток к сближению? Понятное дело, если бы он зависал здесь до утра да уелся бы в дрезину – тут ситуацией вполне можно управлять...

– Хорошо, Женья, я подарю вам этот танец. – Алиса грациозно оторвала попку от стула – сама себе понравилась, этакая пантера, удравшая из зоопарка. – Но никаких авансов – потанцевали и все. Я, знаете ли, не люблю настойчивых...

– О чем разговор, мэм! – здоровый подхватил Алису за талию и ловко потащил на пяточок посреди зала, где полтора десятка пар выписывали плавные загогулины. – Польщен, страшно польщен...

– Танцплощадка кончилась, – насмешливо воскликнула Алиса спустя пару минут, заметив, что партнер неуклюже перемещается к выходу из зала, увлекая ее за собой. – Или вам плохо?

– Мне хорошо, – несколько напряженно улыбнулся здоровый Жека, вытаскивая Алису в небольшое фойе. – А вас ждут наверху – разговор есть.

– Мы так не договаривались, Женья, – нахмурилась Алиса, делая попытку вернуться в зал; здоровый тут же вцепился в ее руку железной клешней, не отпуская от себя. – О! Я не поняла – это что еще за штучки?

– Я – начальник службы безопасности «Парадиза». – Жека вытащил из нагрудного кармана пластиковую карточку с фотографией, внушительно махнул ею перед носом Алисы и вежливо, но настойчиво сообщил: – Извините, мэм, но вам придется на пару минут подняться в оперативный зал. У коммерческого директора к вам несколько вопросов. Буквально на пару минут...

– А если я откажусь? – недовольно накуксилась Алиса, лихорадочно пытаюсь сообразить, как ей поступить, – такой вариант они с Алиной не предусмотрели. – Я пришла к вам поесть и отдохнуть, не более того. Почему я обязана отвечать на ваши вопросы?

– Вы не обязаны, мэм, – согласно кивнул Жека. – И можете поступать как вам будет угодно... Но вопросы совсем незначительные и через пару минут я провожу вас в зал. А если вы откажетесь, поневоле возникнет подозрение, что вам есть что скрывать... И мы, конечно, не спецслужбы, но начнем активно интересоваться – а что это вы от нас скрываете... А?

– Чушь собачья, – возмущенно фыркнула Алиса, пряча лицо – показалось ей, что если откажется сейчас, то поволокут за ногу, а возможно, и с применением пинков, – сердито выдернула из Жекиной клешни руку и направилась к винтовой лестнице, ведущей на третий этаж. – Естественно, мне нечего скрывать. Пошли...

В большом помещении на третьем этаже присутствовали трое: крепкий смуглый мужичонка, восседавший в кресле у стеллажа с мониторами, и двое парней спортивного вида, застывшие с обеих сторон от кресла чуть ли не по строевой стойке.

– Погуляйте, ребята, три минуты, – бросил смуглый. – У нас с дамой конфиденциальный разговор...

Начальник службы безопасности с охранниками вышли за дверь – смуглый приглашающим жестом указал на свободное кресло и вежливо предложил:

– Присаживайтесь, Алиса Рудольфовна. Я постараюсь быть кратким и не отнимать слишком много вашего времени.

– Не имела чести быть представленной. – Алиса присела на краешек кресла и с деланным интересом осмотрелась по сторонам. На самом деле обстановка помещения ее интересовала постольку поскольку – в голове завывала сирена и билась одна тревожная мысль: «Попалась, шпионка!!!».

«Они узнали, кто я такая... Угу... И без особого труда вычислили, зачем Ли отправила меня сюда... Интересно, а что сейчас делают с теми, кто пособничает в промышленном шпионаже?» – Алиса поправила прическу и вызывающе уставилась на смуглого, томно смежив веки.

– Кулькин я, – запоздало представился смуглый крепыш. – Геннадий Юрьевич. Несколько вопросов, Алиса Рудольфовна. Отвечаете положительно: три ужина за мой счет в нашем заведении в удобное для вас время и пространные извинения за доставленное беспокойство. Отвечаете отрицательно – беседа наша затянется и примет несколько иной характер...

– Угрожаете? – презрительно подняла правую бровь Алиса.

– Нисколько, – грустно сказал Кулькин и по-особому уставился на собеседницу – так смотрит мужчина на женщину, которая для него недоступна и вместе с тем страшно привлекательна.

«О! Я ему нравлюсь, – несколько приободрилась Алиса. – Очень хорошо! Поиграем в кошки-мышки!»

– Руслан Саранов, Григорий Толхаев, Николай Улюмов – он же Улюм... – Кулькин перечислил фамилии, сделал паузу и поинтересовался: – С кем из этих господ вы знакомы?

Алиса отрицательно помотала головой – увы, об этих славных ребятах она слышала впервые.

– Ответ отрицательный, – грустно констатировал смуглый Кулькин. – Ладно... А вот с этими господами вы не состоите ни в каких отношениях? – тут Кулькин выдернул из-под прозрачного пластика на столе стандартный лист, на котором в четыре столбика были отпечатаны несколько десятков фамилий, и протянул его Алисе.

– Нет, не знаю, – пробежав глазами список, сообщила Алиса. – Как-то не представилось возможности...

– Ясно, – Кулькин потер ладошки и пожал плечами. – И опять ответ отрицательный... Угу. Вы уже в течение нескольких лет одиноки и не имеете... мм... ну, приятеля не имеете. Ага?

– Не ваше собачье дело, – торжественно заявила Алиса. – Моя личная жизнь никого не касается!

– Ну это как сказать, – поморщился Кулькин. – Это до поры до времени – пока ваша личная жизнь не пересекается с интересами неких особ... Но в общем-то, ясно – нет у вас приятеля.

– Дальше давайте! – поторопила Алиса, невольно бросая взгляд на три верхних монитора, которые давали теперь крупный план столика Круглова. Кулькин заметил этот взгляд и отреагировал адекватно:

– Никуда он не денется – от такой женщины...

– Вы о чем? – притворно удивилась Алиса, чувствуя, что краснеет. – Загадками изъясняться изволите!

– Преподаете в университете, берете переводы на пятьдесят баксов в неделю – более доходов нет, – проигнорировав Алисино притворство, перечислил Кулькин. – Воспитываете сына, помогаете матери и родителям погибшего мужа... Похвально, похвально...

– Я что – под следствием? – встопорщилась Алиса. – Вы не можете сказать, что вам от меня нужно?

– Могу, – Кулькин печально улыbnулся и, с вожделением глядя на Алисины коленки, спросил: – Скажите, Алиса Рудольфовна, лапочка, ну что за блажь? За каким чертом вы поперлись в этот кабак? Ваш среднемесячный доход составляет что-то около трехсот баксов. Все эти деньги вы тратите – у вас даже сберкнижки нет! А ужин в нашем заведении обойдется вам более чем в штуку баксов... Зачем это? Откуда деньги?

– Накопила за полгода, – нагло соврала Алиса. – И пошла погулять – дай, думаю, отдохну хоть разок...

– Мне ваше вранье начинает надоедать, – тяжело вздохнул Кулькин. – Я сейчас перечислю варианты, а вы скажете, на чем нам остановиться, – другие версии не принимаются. Первое: вам надоело прозябать и решили стать проституткой. Ну, учитывая ваши параметры, добавим – дорогой проституткой. Действительно накопили деньги и отправились в самый крутой кабак...

Алиса возмущенно фыркнула и не сочла нужным комментировать предположение собеседника. Кулькин на фырк внимания не обратил, продолжил:

– Если это так, вы неправильно себя повели: нужно было встретиться со мной, проинформировать о своих намерениях и попроситься на работу – я бы подумал. У нас прекрасно трудятся очень симпатичные девчата – никто пока не жаловался, все довольны. Так... Далее. Вы не желаете стать проституткой, а штуку баксов вам кто-то дал. Чтобы вы закадрировали славного парнишку Виктора Борисовича Круглова... Ну, допустим, с целью промышленного шпионажа... – Алиса чуть не упала с кресла, с трудом взяла себя в руки, вторично фыркнула и с большим усердием изобразила презрительный взгляд, уставившись в переносицу Кулькина... – Третий вариант: проституткой вы стать не желаете, деньги вам никто не давал – вы их накопили, заказали столик рядом с Кругловым совершенно случайно... А пришли в наше заведение, чтобы познакомиться с каким-нибудь симпатичным богатеньким мужичком, мм... ну, естественно, чтобы поправить свои финансовые дела. Мужичок вас полюбит, будет раз в неделю использовать и заваливать дорогими подарками – так вы себе это представляете... Итак, на каком варианте мы остановимся?

– Послушайте, как вас там... – хрипло пробормотала Алиса и прокашлялась.

– Кулькин, – подсказал смуглый, не отводя взгляда от Алисиных коленок, и предложил: – Зовите меня Гена – мне будет приятно.

– Послушайте, Кулькин, – проигнорировала предложение Алиса, с тревогой косясь на мониторы. – Мне надо идти – вы мне изрядно поднадоели. Ваши церберы меня выпустят?

– Ответьте на мои вопросы, и вы свободны, – Кулькин развел руками. – Вы думаете, я валяю тут с вами дурака?

– А чего вы тут валяете? – поддела Алиса. – Даже если одно из ваших трех предположений соответствует действительности, каким образом это относится к вашему заведению?

– Извольте, – Кулькин потер ладошки. – Если вы решили стать проституткой – это в первую очередь касается меня. Все наши клиенты – уважаемые и состоятельные люди, потому наши девочки проходят особый отбор и их деятельность контролируется. Если мы будем пускать сюда кого попало...

– Я не собираюсь заниматься проституцией, – отрубил Алиса. – Дальше что?

– Очень хорошо! – воскликнул Кулькин. – Очень хорошо... В таком случае, если речь идет о промышленном шпионаже, я тотчас же проинформирую господина Круглова... Симпатичный господин, не правда ли?

– Да уж посимпатичнее вас, Кулькин, – язвительно хмыкнула Алиса. – Высокий, стройный, бледнолицый...

– Так вот, этот симпатичный господин, при всех его внешних достоинствах, болезненно следит за безопасностью своей фирмы, – оскорбленно выпалил Кулькин. – И через пять минут после моего сообщения вас будут с пристрастием допрашивать здоровенные мордовороты в подвале его особняка. Они не посмотрят, что вы шикарная дама! Нет, они, конечно, обратят на это внимание, но, боюсь, вам это не понравится. Мне сообщить Круглову? Нет, мы, конечно, не приятели, но Виктор Борисович – наш постоянный клиент, и мы дорожим репутацией...

– Я действительно хотела познакомиться с богатым мужчиной, – оборвала собеседника Алиса и устало продолжила: – Сволочь вы, Кулькин, – вот что... Я копила деньги полгода – правильно вы сказали. Ранг вашего заведения известен. Хотела познакомиться с каким-нибудь денежным мешком, спать с ним раз в неделю и не думать о каждой копейке – кругом вы правы! Довольны?

– Очень, Алиса Рудольфовна, просто очень! – Кулькин вскочил и, приблизившись к Алисе, театрально поклонился, не забыв забраться взглядом в глубокое декольте своей собеседницы – аж зажмурился от удовольствия, сволочь! – Это в корне меняет дело. Это уже не касается безопасности нашего заведения. Теперь мы поговорим о другом...

– Тогда я пошла, – Алиса тоже встала и отважно поперла высокой грудью на Кулькина. – Этот Круглов мне очень понравился, и, если бы не этот ваш дуралей Женья, он, Круглов то бишь, уже давно пригласил меня на танец, и мы бы познакомились... Пустите, что вы застыли, как истукан?

– Этот наш дуралей Жека выполнял мое распоряжение, – тихо сказал Кулькин, трепетно вздрагивая ноздрями хрящеватого носа. – Он действительно не собирался уступать дорогу, и теперь грудь Алисы находилась в трех сантиметрах от его подбородка – не удался ростом коммерческий директор, подкачал маленько. Глубоко втянув носом пьянящий аромат женского тела, смуглый крепыш хрипло забормотал:

– Черт! Ты сводишь меня с ума, женщина! Я уже давно ничего такого не ощущал... Слушай, брось ты этого Круглова – не потянуть его тебе, ей-Богу, не потянуть! Я тебе дам все, что тебе нужно, – можешь мне поверить! У тебя будет крутая тачка, счет в банке, гарантированная безопасность – я имею вес в криминальных кругах... Ты будешь отдыхать, как королева, можешь бросить к черту свой университет и переводы! Слушай, ты когда сюда шла, тебе же было все равно, с кем – лишь бы богатый оказался. Я богатый – клянусь тебе, я тебя золотом осыплю! А этот ловелас Круглов – он жлоб, каких поискать! Я тебе отвечаю – жлоб! Он тебе колечка бронзового не подарит, зря ты...

– Спермотоксикоз, – весело констатировала мгновенно обретшая уверенность Алиса, решительно отстраняя с дороги сраженного страстью крепыша и легонько шлепая его по лбу ладошкой. – Остынь, Кулькин, а то кошмары сниться будут!

– Да я тебя... Да я ж серьезно! – воскликнул Кулькин, цепко хватая Алису за руку и не давая перемещаться к двери. – Я тебя – хочешь – хоть щас с родственниками познакомлю! Скажу – вот моя женщина! Смотрите! Я, между прочим, холост! Хочешь – бросим сейчас все, поедem к моим родственникам?!

– Совсем дурак, – сожалеюще пробормотала Алиса, силясь высвободить руку, – смуглый крепыш обладал мощной хваткой, чувствовалось, что недостаток роста он компенсирует солидными физическими нагрузками. – Ха! Вот так сказанул! «К родственникам»!!! Куда ж мы поедem – в такое время обезьяний питомник уже не работает! Иди, болезный, обмажься в сметане да на турник повесься – глядишь, к утру побелеешь да подрастешь... Блин, да пусти ты, недоделанный!!!

– Я тебя хочу, Алиса!!! – хрипло прорычал Кулькин, внезапно обхватывая Алису за талию и зарываясь носом в ложбинку между грудей. – Ты чувствуешь, как он тебя хочет?! Чувствуешь?! – он резко просунул свою ногу между колен Алисы и пару раз дернул тазом – женщина почувствовала сквозь ткань брюк жестко вздыбившуюся плоть.

– Пшшел, скотина!!! – зло крикнула Алиса, вырываясь из железных объятий, и принялась молотить Кулькина кулачком по голове. – Дерьмо! Сволочь недоношенная!!! Пусти, тварь! Пусти, пока не поздно, а то...

– Поздно!!! – задушенно всхлипнул Кулькин, резко мотанул Алису вбок и уронил на пол, навалившись сверху. – Ты уже моя!!!

Впившись мокрыми губами в рот женщины, Кулькин, мыча от страсти, начал елозить коленями, пытаясь раздвинуть Алисе ноги, пакостные руки между тем лихорадочно шарили по ее бедрам, задирая юбку.

– Гад! – выдохнула Алиса, когда Кулькин отпустил ее рот, чтобы перевести дыхание. – На! – И залепила насильнику нешуточную оплеуху.

Кулькин взревел, как раненый буйвол, ухватил Алису за шею и два раза крепко стукнул головой об пол. Мириады созвездий, причудливо меняя окраску и структуру, поплыли перед глазами несостоявшейся светской львицы – навесной потолок операторской утратил первоначальные очертания, и все вокруг на какое-то время закружилось в причудливой звездной карусели. А когда очертания потолка вновь стали стабильными, а созвездия канули в небытие, было уже поздно. Алиса увидела смуглое лицо с капельками пота на лбу, ритмично дергавшееся вверх-вниз, стиснутые зубы, сквозь которые исторгался непрерывный сладострастный рык, и почувствовала, как меж ее бедер, максимально разведенных в стороны, беснуется кулькинский звереныш, не очень большой, но твердый, как железо.

– Ар-р-р-р-р!!! – взревел Кулькин, обжигая Алисино нутро горячей струей. – Все-о-о-о!!! – и рухнул как подкошенный на свою жертву, обессиленно мыча, мелко подрагивая мускулистыми ягодицами.

Алиса долго ждать не стала: как только объятия ослабли, а голова насильника оказалась у нее на груди, она вывернула шею, изловчилась и вцепилась зубами в смуглое ухо, изо всех сил стиснув челюсти.

– Сука!!! – тонко взвизгнул Кулькин, дернувшись как от удара током. Алиса сплюнула – на пол упал окровавленный кусочек хрящевой плоти. – А-а-а-а!!! – истошно завопил насильник, увидев результат работы зубов своей жертвы. – Жека!!! Же-ка!!!

На визг в операторскую ворвался здоровенный Жека, а за ним двое хлопцев.

– Ухо, сука!!! – продолжал верещать Кулькин. – Ухо откусила, проشمандовка!!! «Скорую» давай!

– Дай посмотрю, – Жека, устремив плотоядный взор на обнаженные ноги отползавшей в угол Алисы, склонился над шефом. – Ну-ка, ну-ка...

– «Скорую»!!! – жалобно простонал Кулькин. – А эту суку – пристрелить!

– Держи, – Жека сунул шефу в руку платок и заставил прижать к уху. – Ничего серьезного – как на собаке заживет. Не надо «Скорую» – спускайся вниз, Леха тебя в Павловскую отвезет, зашьют за пять минут. Давай, Леха, води его на выход!

– Пристрели эту суку, – слезно попросил Кулькин, влекомый одним из охранников к выходу. – Она, падла, решила шлюхой у нас подмолотить – без спросу. А когда я драть ее пристроился, ухо, падла, откромсала. Пристрели!!!

– Ага, разбежался, – насмешливо пробормотал Жека в спину удаляющемуся шефу и бросил второму охраннику: – Ну-ка бегом вниз – пусть Санек с Жорой подымутся сюда и прихватят пару ложек. Сам останься внизу – подменишь пацанов пока.

Едва охранник удалился, Жека скинул смокинг, снял брюки и, приспустив трусы, показал Алисе внушительных размеров детородный орган, ворчливо прокомментировав последнее распоряжение шефа:

– «Пристрели»! Ну, блин, дает... Такое добро надо нещадно е...ть во все щели, а он – пристрели! Ну не дурак ли?

– Не подходи! – хрипло прошептала Алиса, подбирая под себя ноги и пытаясь закрыть грудь клочком разорванной блузки. – Не подходи, кричать буду!

– На здоровье. – Неумолимо приближаясь, Жека с фанатичным вождением глядел на Алису. – Внизу ничего не слышно – ори сколько влезет. Ух-х-х, хороша, сучка! Давно такую не драл! Да ты не ссы – мочить тебя не будем. Щас с пацанами пое...ем маленько и отпустим. Смотри, какая штука...

– Пожалуйста... Пожалуйста, я не проститутка! – трясущимися губами пробормотала Алиса, отводя взгляд от устрашающего Жекиного приспособления, растущего на глазах. – Это недоразумение! Кулькин все перепутал... Пожалуйста!!!

– Да че там Кулькин! – пренебрежительно бросил Жека, подходя к Алисе вплотную. – Кулькин! Подергался полминуты свой стручком – тоже мне, гигант... Вот я щас тебе засажу – на всю жизнь запомнишь. Гляди, девочка – оп-па! – Он оттянул крайнюю плоть на вздыбившемся члене, демонстрируя огромную лиловую головку с четырьмя безобразно вспухшими уродливыми буграми.

– Пожалуйста, не надо! – испуганно зажмурилась Алиса – показалось, что кошмар это, наваждение, что вся эта мерзость происходит не с ней. – Пожалуйста!

– Это «спутники», – ласково пояснил Жека, рывком подхватывая Алису с пола и таща к столу. – Щас как вдую – моментально обсерешься... Вы где шаритесь? Давай – подключайтесь по-быстрому! Ложки прихватили? А то кусачая, сучонка, – шефу пол-уха оттяпала!

Вопросы были адресованы возникшим на пороге операторской двоим здоровенным секьюрити.

– Ну ты погляди! – шустро сбрасывая смокинг, воскликнул один из прибывших – тот самый, которого Алиса отбрила перед входом в ресторан. – Какие люди! А строила из себя... Ниче, щас мы тебя проработаем – на всю жизнь запомнишь. Санек, давай ложки!

– Не надо! – в отчаянии крикнула Алиса, дернувшись всем телом к двери. – Пожалуйста-ста!!!

– Стоять, сука! – сквозь зубы прорычал Жека, шлепнув Алису тяжелой ладонью по голове и бросая ее животом на стол. – Будешь дергаться – башку оторву, падла! На-ка, отдай клизму! – раздвинув Алисины ягодицы, здоровяк смачно плюнул между ними, поелозил пальцем и, поднатужившись, до упора вогнал свой уродливый член.

– Мама!!! – с надрывом крикнула Алиса, деревенея от жуткой боли, внезапно наполнившей ее естество. – Не надо!!! Мамочка!!! Мамочка... – и как в детстве, когда по телевизору показывали что-нибудь страшное, крепко зажмурила глаза. Показалось вдруг, что это скотство происходит не с ней, что кошмарный сон все это, стоит проснуться, и окажешься в уютной постели, рядом с мирно посапывающей Ли...

Проснуться не получалось: резкая боль раздирала откуда-то изнутри, тяжелая туша наваливалась сзади, моторно надавая мощными толчками, с рычанием и гнусным сопением. Чьи-то потные руки хватили за лицо, зачем-то пытались засунуть в рот серебряные ложки с красивой гравировкой «ПАРАДИЗ» вдоль черенка. Женщина отчаянно замотала головой – тотчас же последовала сильная затрещина, от которой перед глазами поплыли мириады созвездий, причудливо меняя форму и расцветку, ложки одна за другой нырнули в рот, больно стукнув по зубам, перед лицом возник напряженный, смердящий прелью член.

– Что ж вы делаете, люди!!! – тонко всхлипнула Алиса, неудобно ворочая языком. – Господи, за что?! Что вы...

– Не что, а кого! – прогундел над ухом чей-то отвратный голос. – Тебя, крошка, тебя! На конфетку, не скучай!

– Не надо! Пожалуйста, не надо!!! Не на... – и подавилась вонючей твердой плотью, вошедшей до самой гортани. Попыталась сжать челюсти – острые ребра ложек больно давили на зубы, не давая закрыть рот. Дышать стало невозможно – ноздри то и дело тонули в лохматой

растительности, с каждым толчком плотно прижимавшейся к лицу. Движение сзади и спереди совпало по фазе, превратилось в один страшный механизм безжалостной похоти, терзающий случайно попавшую в него женщину. Сознание Алисы не сумело смириться со всем ужасом происходящего с нею кошмара и медленно свернулось в черный клубочек...

Глава 2

Двадцать третьего августа Школа консервативной дрессуры Белогорска давала очередное бесплатное представление для всех желающих. Эти представления проводились ежемесячно – в каждое четвертое воскресенье – и неизменно собирали большое количество областных собаколюбов, как понимающих толк в профессиональной дрессуре, так и просто любителей поглазеть с раскрытым ртом на фокусы кинологов школы.

В этот день желающих, как всегда, было хоть отбавляй – на обширной лужайке, обнесенной сеткой, толпились фанаты собачьего дела всех возрастов и социальных групп, шумно обсуждали зрелище, смеялись, покрикивали от возбуждения, неумеренно потребляли прохладительные напитки, подаваемые на халяву за счет школы, и, как водится в таких случаях, снабжали работающих кинологов мудрыми советами. Было жарко – с утра на небе ни облачка, ветер увыл и спрятался за реку до вечера, а солнце палило вовсю, словно стараясь своим трудолюбием отдалить неумолимо приближающуюся осень.

На тренировочной площадке сноровисто и без суеты работали двое молодых мужчин, облаченных в легкий летний камуфляж: в соответствии с программой выгоняли из вольеров очередных представителей немногочисленного питомника школы, меняли инвентарь для номеров и внимательно следили за жестами третьего – старшего группы, с пол-оборота выполняя все его распоряжения. Завзятым догофилам наблюдение за работой группы доставляло истинное наслаждение: с первого взгляда было понятно, что здесь трудятся профессионалы, фанатично преданные своему делу и олицетворяющие собой все лучшее, что может показать тандем человек – собака.

– Джек! Слабо тебе за бананом сгонять?!

Вислоухий коккер негодующе трясет мохнатой мордой, с разбегу заскакивает на бум – а там веревка, под небольшим углом привязанная к стволу дерева, на нижней ветке которого висит на прищепке желтый банан. Джек прыгает на веревку, вцепляется всеми четырьмя лапами, зависает, делая поворот оверкиль, и, спешно перебирая конечностями, под восторженные завывания публики карабкается к дереву. Добрался до ствола, на ветку – прыг! – и вот уже в зубах банан. Но это еще не все. Коккер прижимает банан к толстой ветке лапой, давит на него – из ловко надрезанной загодя кожуры показывается желтоватая мякоть, которую пес деликатно ест, с видимым удовольствием мотая своей потешной мордой. Публика в экстазе – Джек, давний всеобщий любимец, не первый сезон забавляет зрителей.

Один за другим следуют номера на грани циркового искусства, зрители встречают их непременно аплодисментами, затем разыгрывается маленький спектакль со всеми сопутствующими аксессуарами. Одному из мальчишек, присутствующих на лужайке, вручают небольшую записную книжку и просят спрятать. Мальчишка ныряет в толпу. Руководитель шоу кричит:

– Ингрид! Ингрид, ходь сюды – тут твои фанаты блокнот уперли!

Со стороны вольеров к лужайке важно ковыляет матерая овчарка преклонного возраста, поминутно вздыхая и приволакивая правую заднюю ногу. Публика замолкает: трюк в различных интерпретациях демонстрируют на каждом представлении, но зрители всякий раз, затаив дыхание, ждут этого номера – важна не техника исполнения, а артистизм исполнителя.

Подковыляв к хозяину, Ингрид вопросительно смотрит на него и с наигранным недоумением, этак нехотя, через силу, гавкает один раз. Чего, мол, надо, дядя, зачем от дела оторвал?

– Хотел написать президенту собачачьей ассоциации, чтобы тебе медаль дали, – сокрушенно сообщает хозяин. – Адрес в блокноте, а блокнот пропал. То ли СПЁРЛИ, то ли посеял...

Не дослушав, овчарка совсем по-человечьи укоризненно качает квадратной башкой и неспешно направляется в толпу – кратчайшим путем к мальчишке, которому три минуты назад

вручили блокнот. Толпа почтительно расступается – эта пожилая мама известна далеко за пределами области и пользуется репутацией суперпса. Некоторые эмоциональные доголюбы на полном серьезе считают, что Ингрид обладает какими-то мистическими способностями.

Добравшись до мальчишки, Ингрид дружелюбно обнюхивает его и проявляет совершенно нетипичную модель поведения: ложится у ног пацана, прикрывает левой передней лапой глаза, протягивает вперед правую лапу – точь-в-точь как попрошайка в переходе – и принимается жалобно скулить.

Публика в восторге. Разумеется, большинству прекрасно известно, что все трюки отработаны на продолжительных тренировках и за каждым жестом и движением стоит кропотливый труд человека и собаки, однако это не портит ощущения некоего праздничного действа. Дети радуются, взхлеб проявляя эмоции, взрослые восторгаются профессионализмом организаторов представления – всем хорошо и весело. Еще несколько номеров, затем – гвоздь программы: американский футбол по формуле «4 на 4», с всамделишными воротами, судьей и псами-футболистами. В питомнике школы наличествуют девять собак, но девятая – Ингрид – участия в игре не принимает, хотя страстно болеет каждый раз, когда собратья принимаются азартно гонять шар. Ингрид – инвалид, она не может быстро бегать из-за тяжелой травмы правого бедра.

В перерыве между номерами руководитель шоу объясняет, каким образом они с Ингрид обманывают публику, – показывает неуловимые для зрительского глаза жесты-команды, на которые обученная собака реагирует соответствующим образом, создавая впечатление самостоятельного действия. Обычно руководитель не снисходит до общения с публикой, поручая это дело своему первому помощнику. Сегодня – особый случай. В толпе догофилов присутствует особа, благорасположение которой руководитель пытается завоевать вот уже в течение трех дней. Назвать ее «дама с собачкой» язык не поворачивается: во-первых, те самые дамы, если верить отечественной классике, не носят джинсовых комбинезонов на пару размеров больше и стоптанных кроссовок, во-вторых, собачек две, и это большущие ризеншнауцеры с могучими клыками и чертоподобными лохматыми мордами. И все равно – руководитель старается. Нравится ему дама.

А пока – несколько слов о руководителе шоу, он заслуживает нашего внимания.

Итак, Сергей Николаевич Рудин, пенсионер внутренних войск, старший прапорщик в отставке, тридцати восьми лет от роду, рост – 175, вес – 75, стандарт, другими словами. При ходьбе слегка прихрамывает на правую ногу, которая на три сантиметра короче левой, – следствие тяжелого ранения трехгодичной давности. Холост, живет при школе, директором которой числится в учетных документах. Профессиональный кинолог, всю свою сознательную жизнь посвятил изучению и воспитанию собак, в Белогорской области и далеко за ее пределами известен как великолепный знаток собачьей психологии и ас дрессуры. Образ жизни – волчий. С утра до вечера носится как угорелый со своими питомцами, а ночью занимается черт знает чем – об этом несколько позже. Образ жизни, сами понимаете, накладывает свой отпечаток на внешность и психологию индивида. В теле Рудина нет ни капельки жира, сухие рельефные мышцы свидетельствуют о мощи их обладателя – хоть анатомический атлас пиши. Впечатление несколько портят два страшных шрама: чуть поменьше – под правой ключицей и несколько больше – на верхней четверти правой лопатки, которые почему-то не желают загорать и зловещными чужеродными пятнами белеют на бронзовом теле атлета. О природе шрамов Рудин предпочитает не говорить, как, впрочем, и о характере своей ножной асимметрии – если по пьяному делу кто начинает приставать с расспросами, корректно посылает в известные места, а в случае рецидива любознательности может без базара зарядить в репу – аналоги известны. Психология адекватна образу жизни. Глубоко сидящие голубые глаза смотрят на мир немигающе, с известной долей настороженности и скептицизма. Имеет свое представление о месте индивида в обществе – несколько скособоченное ввиду двадцатилетнего боевого прошлого.

Коллеги по школе и близкие знакомые зовут его просто Пес, и он на это не обижается. Это не ругательство – такова боевая кличка Рудина, под которой он в последние годы числился в специальном учетном реестре БЧС³ войск. Психолог, к которому в последнее время шеф и друг Рудина, следуя модному поветрию, таскает его и других сотрудников школы, с завидным постоянством выдает непреложный вердикт: шкала социальных ценностей данного гомо собакинус смещена в сторону удовлетворения трех основных инстинктов, стремление расти по социальной лестнице начисто отсутствует, чувство страха перед лицом возможной смерти атрофировано. Да, еще небольшой штрих: собак Рудин любит гораздо больше, чем людей, и объясняет эту свою приоритетность довольно своеобразно:

– У них (людей) есть один лишний безусловный рефлекс: патологическая жажда наживы. Павлов был не прав – он не включил в свой классификатор этот долбаный рефлекс, от которого все беды и происходят. А у собак его нет...

Остальные двое сотрудников школы под стать директору: оба бывшие вояки, хорошо знакомые с собачьей службой, вышвырнутые из Вооруженных Сил за скверный характер. Шеф зря таскает их к психологу: межличностные конфликты в коллективе школы отсутствуют, и эмоционального срыва от этих парней вряд ли дождешься. Все понимают друг друга с полуслова, потому как леплены из одного теста и прошли через одну мясорубку, именуемую в просторечии службой в «горячих точках». Никого не надо понукать – каждый занят любимым делом и отдает этому делу все силы. В школе идеальный порядок, к концу обучения любая псина показывает настолько высокие результаты, что хозяева в буквальном смысле диву даются – рекламаций за два года функционирования этого заведения с несколько претенциозным названием не поступало.

Вместе с тем, несмотря на все позитивные моменты, описанные выше, школа консервативной дрессуры как коммерческое предприятие убыточна. Если бы не шеф-меценат, давно вылетели бы в трубу. Белогорск – областной центр с двухмиллионным населением, люди здесь живут по большей части небедные, и каждый двенадцатый, если верить статистике, имеет собаку. Почти как у классика: «...Каждый домовладелец – это собака. А то и две...». Так вот – дикая конкуренция имеет место. В городе зарегистрировано более полутора десятков заведений, которые дрессируют собак и учат хозяев, как с ними обращаться. Все они работают по наиболее простому и современному методу: дают владельцу собаки общие навыки дрессуры, «ставят» псу управляемую агрессию и охранные навыки и через полтора-два месяца занятий выпускают готового к употреблению семейного защитника. Или служебного охранника. Дорого, но сердито, а главное – быстро, сейчас ведь всем катастрофически не хватает времени. Школа Рудина тратит на подготовку собаки от четырех до шести месяцев. Рудин всесторонне изучает психологию пса и его владельца, «притирает» их друг к другу, учит понимать и любить друг друга. Это долго – немногие доголубы по нашему нетерпеливому времени предпочитают качество высшей пробы и длительную шлифовку мастерства быстрому и внешне вполне приемлемому современному методу. А по-другому Рудин не умеет – не привык халтурой заниматься. Натура такая. Вот и выходит, что немногочисленные клиенты школы едва-едва покрывают затраты на зарплату сотрудникам – содержание же школы шеф-меценат практически оплачивает из своего кармана. Однако слава о школе гремит далеко за пределами области – все знают, что здесь работают мастера. Потому-то и собирается на ежемесячное представление с бесплатной минералкой народу не меньше, чем на премьерный показ «Титаника» в областном ДК...

К забору школы подкатил двухместный кровавый «Форд-Мустанг» с открытым верхом, скромно приткнулся с краю в длинном ряду припаркованных авто гостей шоу. Из отделанного

³ Боевой и численный состав (*кадровая аббр.*).

белой кожей салона вышел холеный мужик средних лет – дверь закрывать поленился, ключи беспечно оставил в замке, медленно направился к распахнутым воротам школы.

Рудин увидел прибывшего, перепоручил завершать последние номера Ване Соловью, первому помощнику, а сам пошел встречать – пожаловал шеф, хозяин школы, меценат и просто хороший мужик Григорий Васильевич Толхаев.

– Имеем успех у публики, – сообщил Рудин, поручкавшись с шефом. – А ты опять к шапочному разбору. Мы тебя уже не удивляем?

– Дела, – лаконично ответил Толхаев, отирая платком вспотевший лоб. – Попить дашь?

Рудин свистнул – тотчас же девчушка из палатки с водой подтащила запотевшую бутылку «Славяновской», набулькала в стакан и протянула Толхаеву, не преминув одарить крутого мужика кокетливым взглядом.

– Хороша чертовка! – довольно крикнул Толхаев, залпом осушив стакан и жестом показывая девице, чтобы повторила. Девица повторила и зарделась, мучительно нахмурив бровки – не поняла, кто хороша: она или «Славяновская».

– Куда там, в задницу, этим импортным шипучкам, – прояснил ситуацию Григорий Васильевич, выпив второй стакан, а девице строго сказал: – Иди работай – нечего тут интимно глазами сверкать!

Девчушка беспрекословно удалилась в палатку – она работала в кафе, которое являлось собственностью Толхаева, и знала, что такое трудовая дисциплина.

– Нравится пигалица? – спросил Толхаев Рудина, кивая вслед упругой попе, подрагивающей под джинсовой мини-юбкой.

– Ага, – не стал отпираться Рудин. – Экстерьер в норме.

– Хочешь, скажу – она тебе даст? – великодушно предложил Григорий Васильевич. – И не шалава – я тебе отвечаю.

– Спасибо, я уже, – бесхитростно ответил Рудин, почесав потную грудь. – С утра два раза повязались, пока пацаны матбазу готовили.

– Ну ты даешь, Пес! – обескураженно воскликнул Григорий Васильевич, с доброй завистью оглядывая литую фигуру Рудина, от которой веяло первобытной мощью. – А заведующий мне божился, что среди его девчат поблядушек нету... И что – вот так вот сразу... да? Раз-два, ножки врозь?

– Не-а, не сразу, – покачал головой Рудин, смущенно крикнув. – Ты тоже – сразу и поблядушка... Просто я сказал, что мне так нравится запах ее тела, что аж в дрожь бросает, а по графику у меня сегодня вязка⁴. – Она подумала, потом великодушно согласилась...

– Как у тебя все просто! – досадливо воскликнул Толхаев, не дослушав приятеля. – По графику вязка... Ты, кстати, так и будешь всю жизнь пробавляться скоротечными случаями? Может, вдовушку тебе подыскать с хатой?

– А не надо, – Рудин произвольно посмотрел в сторону толпившейся на лужайке публики. – Я уже нашел тут... Ну, кажется мне – моя женщина. Светлая и чистая. Святая, можно сказать. Понимаешь?

– Ага – твоя светлая и чистая, стало быть, там, – Толхаев показал пальцем в сторону толпы и озадаченно почесал затылок. – Так?

– Да, там, – Рудин утвердительно кивнул. – Ты догадливый, шеф. Я рад...

– И тем не менее ты это... с утра успел два раза перепихнуться с молоденькой продавщицей?! – перебил его Григорий Васильевич. – Нет, я понимаю – разнообразие там и все такое прочее, после нескольких лет супружества... Но в период ухаживания? В процессе так называемого медового месяца?!

⁴ Рудин оперирует привычными для его среды терминами: вязка в терминологии кинологов означает совокупление.

– Она не дает, – невозмутимо сообщил Рудин, потыкав пальцем в сторону лужайки и даже не симитировав попытки легкого смущения. – У нее комплекс – какой, пока не расколупал... Ну а у меня по графику сегодня вязка, так что...

– Ладно, хватит с меня! – Толхаев поднял руки, как бы отгораживаясь от Рудина. – Никак не могу привыкнуть к твоей дурацкой философии... Короче, иди мойся, бери Ингрид – прокатимся в одно местечко.

– Еще футбол не отыграли, – возразил Рудин. – Что за спешка?

– С футболом и без тебя управятся, – раздраженно махнул рукой Григорий Васильевич. – Надо хорошим людям помочь, причем срочно. Давай побыстрее – я тебя жду...

Через десять минут «Форд-Мустанг» стремительно летел по объездной дороге на другой конец города. Между Рудиным и Толхаевым важно восседала Ингрид, неодобрительно поворачивая голову вслед проскакивающим мимо редким машинам.

Рудин вопросов не задавал – шеф сказал «надо помочь», значит, предстоит какая-то работа, детали уточнит на месте. Зачем зря воздух сотрясать? За два года знакомства Григорий Васильевич неоднократно прибегал к услугам Рудина и его питомцев вне школы и ни разу не подставил, хотя некоторые из этих услуг имели довольно-таки деликатный характер – в силу общественного положения Толхаева.

Григорий Васильевич в свои сорок два года сумел достичь многого. Он являлся владельцем крупного фармацевтического комбината межрегионального масштаба, держал солидные пакеты акций нескольких областных предприятий сельскохозяйственной ориентации, входил в состав правления Белогорпромбанка, занимавшего далеко не последнее место в федеральной таблице о рангах и, судя по назойливым публикациям местной прессы, на протяжении последних пяти лет прочно сидел в первой десятке самых обеспеченных людей области. Правда, злые языки втихаря поговаривали о сомнительном происхождении стартового капитала, положившего начало столь бурному процветанию одного из самых выдающихся состояний области. Ходили слухи, утверждающие, что Гриша Толхаев на заре перестройки некоторое время ходил в «черных хирургах»⁵ краснооктябрьской криминальной группировки Белогорска, а чуть позже даже был удостоен почетного звания бригадира, но вовремя соскочил с кривой дорожки тривиального бандитизма и резко пошел в гору.

Рудин на слухи внимания не обращал. Его не волновало, каким путем Толхаев добрался до вершины своего благополучия. По всем критериям той специфической среды, которая взрастила и воспитала нашего героя, шеф был настоящим мужиком и без натяжек заслуживал, чтобы в радиусе прямого выстрела из снайперской винтовки все подряд любили и уважали его. Да, круг общения Толхаева порой наводил на размышления: помимо деловой элиты Белогорской области сюда входили крупные криминальные авторитеты, чиновники правоохранительных органов и порой весьма сомнительные личности неопределенной ориентации. Но в этом его вряд ли можно было упрекнуть без риска подвергнуть сомнению респектабельность остальных представителей промышленно-финансового ареопага области: с некоторых пор, как известно, структурные составляющие современного общества перестали жестко делиться на законопослушные, и, наоборот, грани между ними стерлись и стали недоступны взору простого обывателя, который наблюдает снизу вверх и ясно видит одну сытую банду, именуемую «новые русские».

Чуть более двух лет назад Рудин – молодой пенсионер с почти сорокалетним льготным стажем – влачил жалкое существование в полуразвалившемся вшивом питомнике пригородного поселка Большой Салын и всерьез подумывал над перспективой податься в киллеры. И не потому, что окончательно скурвился за двадцать лет своей войны, нет! Просто обстоятельства прижали. Двадцать лет Сергей жил, не задумываясь о смысле существования, всецело отда-

⁵ Врач, оказывающий бандитам услуги противозаконного характера.

ваясь любимому делу. Он довольствовался койкой в офицерском общежитии, не вылезал из командировок в «горячие точки», получал за это сравнительно неплохие деньги и тратил их на себя и своих питомцев. А выйдя на пенсию, легендарный Пес – гроза вражьих снайперов и разведчиков – был крепко стукнут судьбой по черепу и поставлен перед фактом своей полной социальной несостоятельности. Из общежития его вежливо попросили – не положено. Родственники отсутствовали – частично вымерли, частично утратились вследствие длительного дефицита общения. Жена ретировалась лет десять назад, прихватив сына и двухкомнатную квартиру, выданную Родиной, – не вынесла специфического песьего характера Рудина и постоянных командировок. Теперь воин платил алименты, а с сыном виделся раз в квартал – больше бывшая супружница не разрешала, искренне высказывая в качестве аргумента утверждение следующего характера: «...А то вырастет таким же дебильным собачатником, как папка...»

В общем, Рудин оказался никому не нужен. Тыркнулся в несколько новых собачьих клубов – отовсюду вышибли за независимый характер и консервативность методики обучения. Пришлось довольствоваться чином дрессировщика государственного питомника, в котором получку не платили уже полгода и пока что не обещали. Здесь, по крайней мере, можно было содержать героя войны Ингрид и кормить ее объедками – выбиваемых питомником кормов не хватало даже на рабочих псов, что там говорить о каком-то балластном инвалиде! Пенсия Рудина составляла что-то около пятисот рублей новыми, из которых двадцать пять процентов удерживали на алименты. Это были жалкие гроши в сравнении с той суммой, что Рудин получал, раскатывая по командировкам, кроме того, там еще кормили бесплатно и форму давали. Привыкший тратить все, что заработает, и не заботиться о будущем, Сергей попал в тяжелое положение. Ингрид вскоре отошала, Рудин стал мрачен и раздражителен, в довершение всех неурядиц его поперла с квартиры домохозяйка, которой он задолжал за полгода. Неподалеку от питомника протекала речка – на ее берегу, в кустах, Рудин соорудил из куска брезента шалаш и некоторое время жил там, благо было тепло – лето имело место. Ночами он ставил «морды», ловил мелкую рыбешку и вялил ее, а в свободное время днем собирал корни и целебные травы, чтобы немного поддержать Ингрид и самому не заработать авитаминоз из-за вынужденной диеты.

В одну из «промысловых» ночей Рудин, направлявшийся вниз по течению, обнаружил неподалеку от своего обиталища захвативший наполовину в кусты и опасно накренившийся над обрывистым берегом двухместный «Ягуар» с открытым верхом. В зловещем свете молодой луны рыболов сумел хорошо рассмотреть пустую машину с покореженным капотом – рядом никого не было.

«Нормально! – тревожно подумал Рудин. – А что – то не похоже это на вольную внеплановую вязку! Парочке нет смысла покидать комфортабельный салон и шариться по загаженному берегу... Да и стоит машинка маненько не того...»

Рудин прислушался: показалось, что в реке, метрах в десяти от берега, раздалось несколько слабых всплесков.

– Во как! – Сергей озабоченно почесал череп и неуверенно пожал плечами. Кажется, ясно – кто-то с кем-то прикатил на хорошей машине, долбанул по башке и бросил в воду. Только плохо долбанул – объект утопления пока плещется. Пойти вытащить или убратся отсюда? Вдруг не того вытащишь? Бывают ведь такие, что вытащишь, а потом десять раз пожалеешь об этом...

На этот раз всплеск был более ощутимым и сопровождался каким-то сдавленным мычанием. Рудин недовольно покачал головой, быстро разделся и скользнул по обрыву в воду. Точно нырнув в том месте, где слышались всплески, Сергей сцапал за шиворот мягко оседавшего на дно мужика, выволок его на берег и пару раз качнул через коленку. Утопленник оказался совсем свеженьким: выпустил мощный фонтан, моторно очистил желудок, напугав при этом

утробными криками всех птиц, устроившихся на ночь, и уже спустя минуту буднично поинтересовался:

– Ты кто?

– Конь в пальто, – желчно пробурчал Рудин, живо растираясь ладошками, – после вынужденного купания было довольно прохладно. – Ты как сюда затесался?

– Пьяный за рулем – угроза обществу, – признался утопленник, начиная постукивать зубами. – Медленно ездить не могу. Чуток сошел с трассы, в кустики заехал – ну и вот...

Рудин быстренько произвел подсчеты: отсюда до шоссе как минимум сто метров. Чуток сошел с трассы и сто метров ломился по кустам... С какой же скоростью он ехал?!

– Я утонул? – деловито спросил мужик.

– Ага, – не стал скромничать Рудин. – Еще бы пару минут – и привет.

– А ты, значит, меня спас от верной смерти, – подытожил мужик. – А говорят, чудес не бывает! Значит, я везунчик – иначе какой черт принес тебя сюда в такое время... Вмажем? А то что-то знобит – как бы не простыть...

– Можно, – согласился Рудин. – В машине?

– Ага, – мужик поднялся и затрусил наверх. Спустя минуту полуночники поочередно глотали терпкую обжигающую жидкость из плоской пол-литровой фляжки, предусмотрительно спрятанной в «бардачке» «Ягуара».

– Коньяк, что ли? – спросил Рудин, почувствовав после нескольких глотков, как кровь резво помчалась по замерзшему организму.

– Текила, – поправил мужик и запоздало представился, протягивая в темноте руку: – А! Григорий. Предприниматель. Так что не дрейфь – за услуги плачу щедро... А ты кто?

– Пес я, – Сергей сделал вид, что не заметил руки. – Бомж. Ха! За услуги... Вот так пойдешь – как раз к шоссе выйдешь. Метку оставь, завтра с утра с тягачом подъедешь. За ночь не уташат – некому. А мне надо идти – морды ставить...

– Нет, так не пойдет, – не согласился Григорий. – Ты меня спас, я много денег стою. Расскажи – почему бомж? И – на, глотни еще, – он протянул Рудину фляжку.

Поколебавшись несколько секунд, Рудин взял фляжку и начал рассказывать. Начал со злой иронией, подначками, потом текила слегка притуманила мозги, и повествование вылилось в сдержанную жалобу на несправедливую судьбу.

– Я военный хирург. Бывший, – сообщил в свою очередь Григорий. – Имею понятие, что такое боевое братство, – три года в Афгане «трехсотых»⁶ резал. Родина тебя кинула, а я вытащу – потому как обязан. Если б не ты, я был бы трупом – значит, надо помогать боевому брату... Что хочешь?

– Да мне малость-то всего и надоть! – не удержался, съехидничал Рудин. – Подари мне какой-никакой завалящий клуб собаководства да содержи его – и всех делов, – и криво ухмыльнулся в темноте, предвкушая, как «боевой брат» начнет отпираться.

– На, – Григорий не раздумывая поковырялся в «бардачке», протянул Рудину визитку. – Приходи завтра в 15.00 – поговорим. Только не дури – обязательно приходи, – и нетвердой походкой направился к шоссе...

Вот так и получилась маленькая современная сказка о Золушке-кинологе. Рудин пришел, сильно сомневаясь, к указанному времени по адресу, оттиснутому золотом на пластиковой карточке. Гриша бросил на стол пакет с бумагами, будничным тоном распорядился:

– На. Вот твой клуб. Точнее, мой клуб – с 10.00 сегодня. А ты – директор. Штат сам подбери. Все – иди работай, некогда мне...

С тех пор минуло два года. Статус Школы консервативной дрессуры вам уже известен, финансовое положение – тоже. Григорий Васильевич исправно содержал заведение, ни разу

⁶ «Трехсотый» – раненый (*термин*). Толхаев имеет в виду, что оперировал раненых.

не упрекнув Рудина в том, что тот не перестраивается на многопрофильный поточный метод, приносящий ожидаемый доход. Более того, поначалу он даже пытался всучить Сергею некоторые суммы, узнав о его давней мечте: накопить денег на собственный домик в пригороде.

– Подачки не берем, – категорично отказался Рудин. – Что заработали – то и наше. Школу содержишь – поясной поклон, помним, по гроб должны. И давай больше не будем об этом...

Толхаев принял к сведению заявление Рудина и придумал другой способ поддержать сотрудников школы – без ущерба для их профессиональной гордости. Он нашел для них дополнительную работу, имевшую довольно варварский, на взгляд цивилизованного человека, характер, но вполне соответствующую прежнему образу жизни каждого. Ребятишки поухмылялись, но взялись за дело с превеликим энтузиазмом. Работа была довольно опасной, требовала отменных боевых навыков, а плата целиком зависела от результата: выражаясь устаревшими понятиями, сдельно-премиальная. Что за работа такая? Об этом чуть позже. Спортивный бегунок Толхаева подкатил к воротам трехэтажного особняка, расположенного в элитарном пригородном районе Белогорска.

При входе гостей встретили двое коротко стриженных парней спортивного облика, упакованных в стандартные пиджаки, плохо скрывающие плечевые кобуры, и провели по мощенной булыжником дорожке за дом. На террасе, за столиком с вином и фруктами, сидели трое – вид у них был крайне озабоченный и неприветливый.

Со всеми присутствующими Рудин состоял в той или иной степени ни к чему не обязывающего знакомства – через Толхаева, разумеется. Хозяин дома – некто Руслан Саранов, владелец самого крутого ресторана в городе, загородного ипподрома и племенного завода, специализирующегося на разведении ахалтекинцев. С подачи Толхаева Сергей один раз уже оказывал ему услуги обонятельного характера – когда супруга заводчика потеряла на обширной территории усадьбы кольцо с бриллиантом. Точнее, услуги оказывал спаниель Джек, а Рудин присутствовал. Кольцо обнаружили спустя три минуты с момента начала поиска, хотя Саранов сильно сомневался – не верил, что собака сможет пронюхать железяку. С тех пор Саранов заужавал всех спаниелей, а заодно и Рудина.

Второй – Николай Улюмов, тутошний уголовный авторитет, глава бандитской группировки и лепший корень Саранова. О нем Рудин много слышал, но лично еще ни разу не имел счастья общаться – только со стороны наблюдал светлейшую персону.

Третий – какой-то прокурорский, длинный тип с козлиной бородкой, зовут Витя, а фамилию Рудин запомнил – то ли Манюшкин, то ли Панюшкин, в общем, крайне несерьезная фамилия. Прокурорский ходил в приятелях Григория Васильевича и разок посетил школу – желал познакомиться с процессом. С процессом Витя ознакомился самым непосредственным образом – имел неосторожность наступить на охраняемый Ингрид мячик, в результате чего своенравная ветеранша слегка цапнула мужика за то место, откуда ноги растут, и безмерно напугала.

Увидев Ингрид, неотлучной тенью ковылявшую в метре позади хозяина, прокурорский Витя болезненно поморщился и суетливо заворочался в плетеном кресле. Ветеранша уставилась на Витю, подозрительно фыркнула и, глухо заворчав, ткнулась в ногу хозяина носом, словно намекая: а вот тот, смотри – боится почему-то! Может, драть его, пока не поздно? Раз боится, значит, виноват!

Рудин, изучивший за девять лет совместного существования значение каждого жеста своей воспитанницы, тут же внес коррективы: «Свой, Ингрид! Свой!» – и за руку поздоровался с каждым, показывая, что опасности от них ждать не следует. Ингрид разочарованно зевнула и легла у стола – жаль, неплохо было бы оттащить этого Витю, испускающего явно ощутимые флюиды страха.

– Ты рассказал? – поинтересовался Саранов, адресуясь к Толхаеву.

– Как-то недосуг было, – уклончиво пожал плечами Григорий Васильевич, присаживаясь за стол и жестом приглашая Рудина последовать своему примеру. – Я подумал: чего распинаться? Все равно ты будешь задачу ставить...

Саранов недовольно посмотрел на приятеля, развел руками и, подвинув Рудину корзину с фруктами, начал:

– В общем, Серый, ты в курсе последних заморочек – весь город болтает. А тут, ко всему прочему, еще одно... Ну, натурально – беда у нас... Мы знаем, что ты не из болтливых, умеешь держать язык за зубами. Потому от тебя не таимся. – Тут он на несколько секунд замолк и испытующе уставился на Рудина, словно стараясь уловить, проникся ли тот небывалой важностью момента. Сергей индифферентно пожал плечами и принялся смачно хрустеть яблоком – Ингрид тут же сократила дозволенную дистанцию и усиленно забила хвостом, капая слюной на брюки хозяина: яблоки были одной из ее нетипичных для собаки слабостей.

– Ты пока не заработала, – противным голосом сказал Рудин, отталкивая влажный нос. – А что за беда?

– Вот Николай Улюмов, наш общий друг, – Саранов указал на скорбно потупившего квадратную башку бандитского вожака. – Какие-то козлы украли у него дочь, чтобы шантажировать, – требовали пол-лимона баксов. Мы подняли всех своих на ноги, искали трое суток... Гхм... – тут он вновь замолк, деликатно кашлянул в кулак и украдкой глянул на Николая.

– Так что – нашли? – насторожился Рудин.

– Нашли, – тихо сказал Саранов. – На одной даче. Стали ломиться, те козлы бросили девочку и свалили. Она жива, здорова, но... гхм-кхм...

– Фули тут гмыкать, – вмешался Николай. – Отодрали во все щели – сперма из ушей капает. Тринадцать лет девочке... – Он не сдержался – всхлипнул и уткнулся лицом в ладони.

– В общем, стали искать по словесному портрету и ряду уличающих факторов – отобрали несколько человек, – вступил в разговор бородатенький Витя. – Двое из них – подозреваемые номер один, масса совпадений. Час назад показали всю группу девочке через призму – она испугалась, забилась в истерике... Ну, сам понимаешь – там они. Или он. Но девочка пока не свидетель. А нам надо побыстрее выйти на заказчика. А пытаться всех подряд мы не можем. А...

– Ясно, – Сергей скупым жестом прервал Витино словоизвержение. – Как давно нашли девочку?

– Двое суток назад, – сказал Саранов. – Аккурат позавчера в полдень...

– Как давно взяли подозреваемых?

– Кого как... Ну, вот этих двух, которые наиболее, сегодня утром взяли – они, кстати, сами не хотели идти...

– Поздновато, – нахмурился Рудин. – Тепло сейчас – они могли десять раз принять ванну. Запах девочки на них вряд ли остался. Ну что, тогда поехали на место, где обнаружили девочку. Раз они там были, значит, оставили кучу запахов. Проведем занюхивание, вернемся сюда и сделаем выборку...

– Нету места, – виновато сообщил Саранов.

– То есть? – Рудин недоуменно поднял правую бровь. – Как это – нету?

– Спалили ту дачу, – пояснил Витя, воровато стрельнув глазами. – Ну, чтобы не было травмирующих воспоминаний. Ага... Да и злые наши ребяташки тогда были – сам понимаешь...

– Не понимаю, – возразил Рудин. – Дача тут при чем? Да и улики там. В органы, я так понял, не сообщали?

– Естественно, нет! – возмущенно воскликнул Витя. – Какие органы, парень! Ты же знаешь – у нас свои расклады.

– Чья дача?

– Ничья. Брошенная. Так что – никаких увязок...

– Зря меня позвали, – сокрушенно развел руками Рудин. – Дохлое дело – вряд ли я вам смогу помочь.

– Адреналин, – подсказал Витя. – Когда вы представление устраиваете, у вас там такой трюк есть – ну, когда собака выбирает виноватого...

– Это нельзя брать за эталон, – живо отказался Рудин. – Здесь же не представление – судьба человеческая решается. А вдруг ошибка?

– Ты все объяснишь: кто не виноват, бояться нечего, – хмуро сказал Саранов. – А эти козлы выделяют адреналин, Ингрид их опознает...

– Ага – и выделяют, и опознает... – язвительно хмыкнул Рудин. – У половины собравшихся есть причины бояться здорового пса – тем более такой зловещей наружности. У нее же на лбу не написано, что она умница и без дела на людей не кидается! Кого-то в детстве кусала собака, кто-то трус по натуре и теряется в нетипичных ситуациях – короче, она может броситься на половину из присутствующих, это я вам обещаю.

– Тогда будем допрашивать с пристрастием всех, кого отловили, – тяжело уставившись на Рудина, сообщил Витя. – А их – двенадцать человек. Есть почти стопроцентная гарантия, что десять из них невиновны, – они, кстати, пока что не в курсе, за что их взяли... Ты имеешь понятие о том, что такое допрос с пристрастием?

– Он имеет. Он тебя может поучить, – огрызнулся Толхаев. – Кто же виноват, что так получилось: времени много прошло, дача сгорела... Я, кстати, сразу предупредил, что шансов мало.

– Неужели ничего нельзя сделать?! – глуховато пробормотал Николай, умоляюще глядя на Рудина. – Мы же знаем, что это необычная собака... Ну, я тебя очень прошу, Серый, – мы же знаем, что ты мастер! Серый, ну ты че, в натуре!!!

Повисла гнетущая пауза – Рудин сосредоточенно растирал правое запястье, соображая, как поступить в этой ситуации. Понятно – такое горе... Жаль девчонку, жаль Николая. И еще – Николай, как известно каждому тутошнему школьнику, принадлежит к верхнему эшелону местной братвы. Методы дознания, применяемые этой публикой, широко известны – можно лишь посочувствовать тем, кого отловили в качестве подозреваемых.

– Ладно, попробуем, – решил наконец Рудин. – Пусть их построят на лужайке с интервалом в полтора метра. И чтобы рядом никого не было – мешать будете...

Спустя три минуты телохранители Саранова выстроили на лужайке перед домом подозреваемых, которые до этого находились в подвале, под охраной троих парней специфической внешности, вооруженных «АКСУ».

– Надо же – запросто гуляют с автоматами, ничего не боятся, – укоризненно пробормотал Рудин, адресуясь к Николаю. – Твои хлопцы?

– Ну, – мотнул квадратной головой Николай. – А че бояться? Мы в своем районе.

– Пусть наручники снимут с этих... с пленных, – кивнул Рудин на шеренгу. – Ингрид реагирует на человека в наручниках как на потенциального врага – приучена так.

Николай кивнул своим парням: те подскочили к задержанным, снимали наручники, а один из охранников – судя по всему, старший в троице – кратко напутствовал подозреваемых:

– Кто дернется – замочу. Стоять смирно.

– Это... Ты вот что, Серый... – замялся вдруг Николай. – Ты не говори про дочку этим, – он кивнул на выведенных из подвала задержанных. – Что-нибудь убедительное – ну, близко к тексту... Не хочу, чтобы братва судачила об этом. Лады?

– Хорошо, – Рудин понимающе кивнул. – Хотя довольно трудно будет объяснить... Ну да ладно – попробуем. Давай начнем помаленьку.

Все лишние отошли к дому – на лужайке остались двенадцать подопытных. Сергей приблизился, пытливо всмотрелся в лица. Чем руководствовались хлопцы Николая, отлавливая подозреваемых, Рудин не знал, но интеллигентов среди них не было. Все коротко стриженные

или вовсе бритые, с непримиримыми волчьими взглядами, несмотря на свое незавидное положение. Рудин попытался было на скорую руку прокачать вазомоторы, но ничего из этого не вышло: подозреваемые стояли с каменными лицами, эмоций не проявляли и, казалось, были готовы к любой пакости.

– Ну-ну, посмотрим, – беззлобно пробормотал Рудин. – Все вы гордые, фимозы⁷, пока за яйца не цапнут...

– А че хромает? – спросил вдруг первый справа в шеренге – накачанный блондин с квадратным черепом. – Обижаешь собачку, поди?

Вопрос прозвучал настолько обыденно, что показался диким в создавшейся ситуации. Автоматчики у крыльца недовольно забубнили, шагнули было вперед – шеренга напряженно застыла. Рудин помахал рукой – все в порядке – и бесхитростно соврал:

– Волки подрали. Трое навалились – а у меня ружья не было...

– И что?! – блондин по-детски открыл рот, заинтересованно уставившись на Ингрид.

– Приходи как-нибудь в школу – я тебе шкуры тех волков покажу, – не моргнув глазом предложил Рудин. – Они у меня вместо половика.

Шеренга несколько оживилась: стараясь не поворачивать голов, подозреваемые шепотом обменивались мнениями. Как водится в таких случаях, заявление Рудина восприняли с изрядной долей скепсиса, но грозный вид Ингрид давал повод задуматься над достоверностью сказанного. Рудин слегка повеселел: появились зачатки контакта с аудиторией.

– Сейчас мы покажем вам маленький фокус, – негромко сказал Сергей – шеренга насторожилась. – Если он получится, одного или двоих оставят здесь, а остальные пойдут по домам. Если не получится... Ну тогда даже и не знаю, но я вам сочувствую.

– Это по поводу того взрыва? Или опять кого-то из пацанов Саранова завалили? – предположил неумный блондин, мотнув головой в сторону дома. – А на месте оставили шмотку... А?

– Никого не завалили, – опроверг Рудин. – И шмоток не оставляли. Но ход твоих рассуждений мне импонирует. – Он выдержал паузу и сообщил: – Среди вас есть люди, которые причинили страшное зло одному из моих знакомых, – Рудин ткнул пальцем в сторону крыльца дома. – То, что они сделали, хуже, чем убийство. Меня просили не разглашать суть дела, но... в общем, это самое натуральное зверство...

– Что может быть хуже убийства? – удивился коммуникабельный блондин. – Или я от жизни отстал? Ты бы хоть намекнул!

– Те, кого касается, знают, – нахмурился Рудин. – Остальным необязательно. Давайте к делу. Посмотрите на собаку. – Сергей похлопал по бедру, Ингрид встала рядом, затем несколько раз указал рукой на шеренгу и жестко скомандовал: – Чужой, Ингрид! Чужой!!!

Ингрид возбужденно фыркнула, поставила уши торчком и, выбежав на середину лужайки, застыла метрах в пяти перед шеренгой.

– Я убедительно прошу не делать резких движений и вообще постараться по возможности не шевелиться, – обратился Рудин к аудитории. – По команде «чужой» у обученной собаки начинает работать особый поведенческий комплекс. Короче, для нее сейчас каждый из вас – затаившийся враг. Любое резкое движение будет воспринято как проявление агрессии и сигнал к атаке.

– Вот спасибо – хорошо! – не разжимая губ, пробормотал блондин, стараясь смотреть в одну точку. – И долго мы теперь так жить будем?

– Мы постараемся управиться побыстрее, – пообещал Рудин. – Сейчас покажем фокус – и привет... – Он сбавил тон и продолжил, несколько растягивая слова, умело расставляя

⁷ Рудин недавно прочитал «Князь мира сего» Климова – словечко «фимоз» запало в душу, и с тех пор он так именует всех, кто не нравится.

акценты, – как, бывало, воспитывал излишне эмоциональных собаководовладельцев, потерявших уверенность при первой же неудаче в курсе обучения. – Суть фокуса проста: когда человек боится, собака чувствует это. Возникновение страха сопровождается выделением адреналина – об этом знает каждый школьник. Сейчас я дам команду и пройду вдоль шеренги: собака обнюхает каждого из вас. Кто не виноват – бояться нечего, собаке неинтересны ваши мелкие страхи и неуверенность. А те, о ком я говорил, будут излучать мощный поток страха, независимый от их воли.

– Слышь, а насчет волков... ты, наверно, пошутил, да? – нервозно поинтересовался говорливый блондин.

– Не-а, не пошутил, – веско обронил Рудин. – Можешь зайти как-нибудь, я тебе шкуры покажу... А теперь – внимание! Начали.

Пристегнув к ошейнику Ингрид поводок, Сергей подвел ее к шеренге, напомнил: «Чужой!!!» – и вкрадчиво пробормотал, показывая рукой вдоль шеренги:

– А ну-ка, девочка, покажи, кто нас ОБИДЕЛ!

Вряд ли кто из подозреваемых бывал на представлениях школы – публика на лужайке подобралась специфическая, таким ребятам недосуг развлекаться подобными мелочами. А суть трюка была проста: обычно Рудин завязывал Ингрид глаза и предлагал зрителям бросить в нее мячиком. Мячик, достаточно тяжелый, при попадании вызывал неприятные ощущения. Затем Рудин выстраивал несколько человек в шеренгу и командовал Ингрид найти того, кто ее обидел, не давая занюхивать апорт. Со временем понятие «обидел» стало восприниматься как своеобразная команда, и ветеранша легко вычисляла того, кто больше всех боялся...

В общем-то, здесь можно было обойтись и без тонкого собачьего восприятия: не дойдя до шестого по счету здоровенного мужлана средних лет, бритого, Рудин заметил, что тот прикрыл глаза, расслабился и тихо, стараясь не привлекать внимания, начал стравливать воздух сквозь плотно сжатые губы.

На представлениях Ингрид, словно чувствуя шутливость действия, поступала с бросателем соответственно: толкала в грудь передними лапами и залиисто лаяла, виляя хвостом. Памятуя об этом, Рудин не стал выбирать слабинку поводка и неспешно следовал за собакой на некотором удалении, не мешая ей работать. Добравшись до бритого, изо всех сил пытавшегося расслабиться, Ингрид даже нюхать не стала. Шерсть на загривке встала дыбом, уши прилипли к голове – зверь коротко рыкнул и безо всяких предисловий прыгнул вперед, целясь в горло человека, от которого исходили волны животного страха.

В последний миг Рудин успел натянуть поводок: ужасные желтые клыки мощно клацнули буквально в миллиметре от кадыка бритого, запоздало отпрянувшего назад, злобно крича:

– Бля буду – непонятка!!! Меня собака в детстве кусала!!!

– Хорошо! Молодец! – медленно проговорил Рудин, подтягивая к себе рвущуюся с поводка Ингрид. Поймав собаку в объятия, Сергей отвернул ее морду в сторону от выпавшего из строя атлета – фукать сейчас было нельзя, чтобы не сорвать установку на обнаружение, – и крикнул: – Уберите его побыстрее – мешает!

От крыльца метнулись двое пацанов Улюма, схватили атлета, закрутили руки, потащили. Ингрид не успокаивалась – из-под руки Сергея выворачивала морду, силясь посмотреть на бритого, рвалась, недовольно взвизгивая, – поведение хозяина было совершенно непонятным! Обнаружен враг, натуральный, не игрушечный, отбойной команды не последовало – надо драть! А тут черт знает что...

– Отбой! – огорченно скомандовал Сергей, поняв, что в таком состоянии перенацелить животное на продолжение работы будет затруднительно. – Фу, Ингрид, – отбой!

Ингрид обескураженно гавкнула, села у ног Рудина и укоризненно замотала мордой, свесив голову набок.

– Есть альтернатива, – флегматично бросил Рудин, успокоив собаку. – Вариант номер раз: второй мерзавец, что находится среди вас, выходит сам и признается. Вариант номер два: я продолжаю выборку... без поводка. Что с ним будет после того, как он признается, – черт его знает. Тут может всяко получиться – сами понимаете. А если я пушу Ингрид без поводка, тут однозначно – полный кранздец. Решайте – минуту даю думать...

Рудин наступил ногой на поводок и демонстративно уставился на часы. Шеренга насто-роженно молчала – даже словоохотливый блондин не проявлял желания побалагурить. Сергей исподволь наблюдал, лихорадочно соображая, что он будет делать, если никто не выйдет из строя. Установка сорвана, результат дальнейшей работы процентов на пятьдесят непред-сказуем. Угроза пустить Ингрид без поводка – чистейший блеф. Если нельзя помогать наво-дящими репликами и подергиванием, собака работает на выборку независимо от наличия поводка, главное – установка. Кроме того, все видели, как собака ведет себя, обнаружив про-тивника. Теперь каждый второй будет проявлять здоровый страх, ничем не уступающий под-спудной боязни искомого мерзавца. А если мерзавец знаком с основами собачьей психологии и находится в самом конце шеренги, можно предположить, что он будет стоять не шелохнув-шись и с любопытством наблюдать, как зверь бросится на первого попавшегося. Например, на того же коммуникабельного блондина. Вон как насутился парень, взгляд потемнел – явно нервничает...

Минута пролетела – никто не вышел. Рудин ухватил Ингрид за ошейник, отщелкнул карабин и, бросив поводок на траву, с наигранным торжеством в голосе приказал:

– Чужой, девочка! Чужой! А ну-ка найди мне, кто нас ОБИДЕЛ! Можешь его заМОЧИть! Это твой обед...

...Команда «МОЧИ» использовалась Рудиным как эквивалент старозаветного «ФАС» – отчасти из озорства, отчасти из-за желания внести нечто новое в схему дрессировки. Сер-гей вообще любил экспериментировать: вместо односложных, хорошо апробированных команд подбирал короткие фразы, которые содержали ключевое слово, слегка помеченное интонаци-онным акцентом. На непросвещенных сие нововведение, как правило, действовало ошелом-ляюще – создавалось впечатление общения человека со зверем на равных, казалось, что зверь наделен мистическими способностями...

Услышав заветную команду, Ингрид разверзла пасть в страшном оскале и, хрипло рыча, рванулась вперед, пару метров протащила за собой Рудина, вцепившегося в ошейник.

– Стой!!! – отчаянно крикнул кто-то с левого фланга шеренги. – Стой, вот он я! – Сто-явший с краю еще один бритый мужлан средних лет, чем-то неуловимо напоминающий того, что утащили пять минут назад люди Улюма, сделал шаг вперед и зачем-то положил руки на затылок. Возле крыльца раздался оживленный гул, от группы наблюдателей отделились двое парней с автоматами и живо ломанулись к шеренге.

– Убери зверя – я ж сам... – с отчаянной злостью пробубнил бритый.

– Отбой! – покладисто скомандовал Рудин, с превеликим облегчением переводя дух. – Фу, девочка, отбой! Извини – придется тебе на обед овсянку жрать. Дядя не хочет на мясо...

А далее все было обыденно и малоинтересно. Пацаны Улюма грузили негодяев в джип «Чероки», чтобы куда-то везти. Сам Улюм, следуя «стрелочному» ритуалу, задушевно обни-мался с недавними подозреваемыми, благополучно выбывшими из разряда таковых, просил не обижаться и приглашал на совместное возбуждение в какой-то «Лотос», но позже, не сейчас. Саранов и прокурорский Витя оживленно обменивались впечатлениями, нахваливая собако-водческий талант Рудина и мистические способности Ингрид: двое отобранных негодяев ока-зались теми самыми подозреваемыми № 1.

Толхаев в общем оживляе не участвовал – он с какой-то растерянностью наблюдал за Николаем-Улюмом и не торопился поздравлять своего директора школы. А Рудин, оправив-шись от победной эйфории, уловил нюансы в поведении шефа и слегка засомневался. Конечно,

выявить подонков, сотворивших такую мерзость, – святое дело. Только были в этом некоторые нестыковки. Почему так суетился, глазами бегал прокурорский Витя? За каким чертом спалили дачу с уликами? Совсем, что ли, от рук одичали? И, конечно, это больно и обидно, но... но ведь в любом случае вскоре все будут знать о беде, приключившейся с дочерью Улюма! На людской роток не накинешь платок. Зачем вся эта конспирация в таком случае? А шеф? Что в его поведении так не нравится Рудину?

– Ты подгребай к Улюму к полуночи, – возбужденно обратился Саранов к Толхаеву. – Мы с Витьком тоже будем – послушаем, что там будут эти мудели петь. Приедешь?

– А почему к полуночи? – несколько оживился Толхаев. – Я думал, сразу начнете.

– А Рубец в командировке, – пояснил Витя. – Сегодня волгоградским приезжает – в 23.15. Ну, сам понимаешь – лучше его никто не допросит. А там разминаться – только очевидцев калечить. Ну так что – будешь?

– Посмотрим, – Толхаев опять сник. – Вообще-то дела у меня. Если что и выяснится – завтра скажете.

Рудин неодобительно покрутил головой. Рубец, правая рука Улюма, пользовался в городе репутацией законченного садиста и любителя пыток. Рассказывали, что он любит развлекаться тем, что скобой для рубки льда убивает бродячих собак, а в «кооперативные» времена на его «допросах» никто из коммерсантов не выдерживал более десяти минут – все ударно кололись и отдавали припрятанные деньги. Рубца Рудин видел мельком – пару раз, но заочно ненавидел – из-за собак...

– Все, поехали, – усталым голосом буркнул Григорий Васильевич, провожая взглядом удаляющийся джип с пленниками. – Мы свое дело сделали – нечего тут... – И, не прощаясь ни с кем, направился к выходу.

– Однако, – растерянно пробормотал Рудин, следуя за шефом и цепляя карабин поводка за ошейник Ингрид, которая под шумок пристроилась безнаказанно трескать яблоки. – Хватит жрать эту гадость – понос прохватит! А тебе сегодня еще работать, забыла? И вообще, что-то я не заметил, чтобы дядя Гриша бросился нас поздравлять... А все ли мы правильно с тобой сделали, девочка?

Глава 3

– Ну еще раз посмотри! Кто из них? – Ли раздраженно подтолкнула к Алисе пачку цветных фотографий, которые веером рассыпались по покрывалу постели. – Не может быть, чтобы их тут не было, я перешелкала практически весь персонал... Ну?!

– Не нукай, не запрягла, – бесцветным голосом ответила Алиса, отпихивая фотографии в сторону. – Я же тебе сказала – ни к чему это... Зря все.

Ли хотела было прикрикнуть на сестру, но осеклась и, вытащив из пачки сигарету, отошла к окну. На Алису невозможно было смотреть без сострадания. Третий день она сидела дома: лежала на тахте, ничего не ела, отказывалась общаться с кем-либо, кроме сестры и сына Борьки, которому было сказано, что мама заболела гриппом. Ее бы в кризисный центр, но, как известно, в Белогорске и ему подобных городах о таких заведениях еще пока никто не слыхивал.

– Когда, говоришь, в диспансер? – тихо спросила Алиса, плотнее затягивая косынку на голове.

– Когда надо, я тебя отвезу – ты не переживай, – успокоила Ли. – Пусть это тебя не беспокоит.

– А может, не стоит? – робко предложила Алиса, рассматривая свои ладошки. – Я все обработала, примочки делала... Там в принципе публика чистая – не будут же они сифилистиков в охране держать... Знаешь, боюсь показываться – начнут спрашивать, придется объясняться...

– Даже и не думай об этом! – Ли погрозила Алисе пальцем. – Тоже мне – «чистая публика»! Ха! Обязательно надо обследоваться. И никто тебе не будет там задавать дурных вопросов, я заплачу кому следует... Черт! Ты что с волосами сделала?

– Слишком длинно, – Алиса провела ладошкой по коротко стриженной голове и подетски надула губы. – Если бы тогда они были не такие пышные, не такие красивые... Может, тогда бы они меня не тронули...

Ли закусила губу – еще немного, и расплачется. Господи, почему? Почему ты так несправедливо обошелся с этой женщиной, которая в свое время уже сполна испила свою чашу земных страданий?

– Это я виновата, – хрипло буркнула она, усаживаясь на тахту и прижимая сестру к себе. – Прости меня, дурочку... Лучше бы меня трахнули – я бы так не переживала... Я тебя умоляю – посмотри фотографии повнимательнее. Я потратила двое суток, чтобы собрать данные на этих козлов, а ты не хочешь мне помочь! Нет, я понимаю, что тебе больно опять смотреть на эти рожи... Но мы должны наказать ублюдков, а без твоей помощи...

– Все не виноваты – это Кулькин, – безразличным голосом заявила Алиса, ткнув пальцем в фотографию коренастого смуглого крепыша. – Он начал. Он там начальник – остальные «шестерки». Они его слушаются.

– Кулькин так Кулькин, – несколько оживленно согласилась Ли, откладывая фотографию в сторону. – Но... насильствовал тебя не один Кулькин. У каждого своя голова на плечах, каждый должен соображать, что делает, и отвечать сообразно поступкам. Короче, мы накажем всех, кто в этом участвовал, и ничего более слышать не желаю. В последний раз говорю – посмотри внимательнее.

– Ты хочешь нанять парней, чтобы отдубасили этих? – рассеянно просматривая фотографии, поинтересовалась Алиса. – Так их много, и здоровые они... А сколько это сейчас стоит?

Ли саркастически ухмыльнулась – Господи, святая простота! Парней нанять! Отдубасить!

– Не твои проблемы, Лиса, – небрежно отмахнулась от наивного вопроса. – Ты лучше покажи мне насильников, а то начну действовать наобум и пострадают посторонние люди. Ну?!

– Вот, – Алиса немного подумала и, болезненно поморщившись, показала на симпатичного брюнета с квадратной челюстью: – Это Женя – правая рука Кулькина. У него шарики.

– В смысле – шарики? – не поняла Ли. – Крыша едет, что ли?

– Там шарики, – Алиса показала, где шарики, и опять болезненно поморщилась. – Четыре штуки. Это он мне задницу разорвал... ну, шарики потому что.

– А, «спутники», – сообразила Ли. – Ничего, это ненадолго – шарики. С него, кстати, и начнем... Еще кто?

– Да ни к чему это! – Алиса затрясла головой, скорчив отчаянную гримасу. – Вот Кулькин и Женя – они действительно... А остальные – «шестерки»... Что ты собираешься с ними делать?

– Построю в очередь и отдамся всем подряд – для комплекта, – желчно сообщила Ли, пряча снимки в сумочку, – дальнейшее опознание теряло смысл, спасибо хоть инициаторов назвала. – Что делать... Ты не волнуйся – я найду, чем с ними развлечься. Пусть это тебя не беспокоит.

– А ты где сейчас обитаешь? – ни к месту поинтересовалась Алиса, утратив интерес к фотографиям. – Двое суток тебя не было... А?

– В гостинице, естественно, – соврала Ли. – В самом фешенебельном номере, какой удалось оторвать в вашем заскоружлом городишке... Немного оправишься – поедem в гости ко мне, мужиков наведем...

– Не надо мужиков, – всхлипнула Алиса. – Я их ненавижу... Прости, я тебе, наверно, весь план испортила. Теперь тебе к этому Круглову не подобраться... Да?

– Господи, горе ты мое, – Ли крепко прижала к груди голову сестры. – Да ты должна меня до смерти проклинать за то, что с тобой случилось! Ничего – очень скоро они об этом пожалеют!

– А сколько стоит нанять ребят – ну, чтобы наказали этих?.. – опять спросила Алиса, забыв, видимо, что сестра не желала отвечать на этот вопрос.

– Я тебе сказала – не твои проблемы, – поднимаясь, отрезала Ли. – И вообще хватит дурака валять. Все – пошла я, работать надо...

Надев в прихожей широкополую соломенную шляпу и солнцезащитные очки, Ли покинула квартиру сестры. Спустя пять минут ее темно-синий «БМВ-318» зарулил в глухой скверик на окраине соседнего квартала. Обойдя машину и убедившись, что никого поблизости нет, Ли достала мобильный телефон и набрала номер.

– Школа подготовки телохранителей «Абордаж», – эротично промурлыкал приятный женский голос. – Мы в любое время суток готовы принять ваши предложения. Оставьте сообщение после сигнала и назовите ваш номер – вам перезвонят. Спасибо.

Дождавшись, когда в трубке три раза подряд проиграют первые такты «Милого Августина», Ли отчетливо произнесла:

– Пять–тридцать пять–шестнадцать.

На том конце провода что-то немелодично щелкнуло, раздались гудки, и спустя несколько секунд трубку сняли.

– У меня на тумбочке часы, – прорычал спросонок хрипловатый мужской голос. – На часах – половина седьмого. Какого черта?!

– Это я, – сообщила Ли. – Извини, что так рано...

– О! Ты где пропала, красавица? – возмутился тотчас же обретший бодрость голос. – Я третьи сутки жду твоего звонка!

– Бандероли с липой получила, – проигнорировала возмущение Ли. – Все нормально – спасибо.

– В этот раз ты что-то много липы запросила, – недовольно проскрипел голос. – Ты что – маскарад собралась устраивать? А потом – я, кажется, спросил, куда ты пропала?!

– Работы много, потому и липы столько. А насчет «пропала»... Ну, у меня возникли некоторые проблемы, – бесстрастно доложила Ли. – Сейчас я как раз с ними разгребаясь – занята по уши.

– Я надеюсь, твои проблемы не имеют отношения к делам фирмы? – с деланной ленцой осведомился собеседник – чувствовалось, что он желал бы услышать отрицательный ответ.

– Нет, как раз имеют, – Ли мстительно подмигнула своему отражению в тонированном стекле. – Тот вариант, что я предлагала, сорвался. Вместе с тем у меня образовались личные проблемы. В общем, пока ничего страшного, но срок исполнения заказа придется перенести как минимум на пару недель. Мне нужно время, чтобы продумать другие варианты.

– Нам уже заплатили половину, – после минутной паузы выдал ее абонент. – Срок оговорен и изменению не подлежит. Мы не шарашкина контора – сегодня сказали одно, завтра – другое. Короче, сама знаешь.

– Знаю, – согласилась Ли. – Но здесь нештатная ситуация. Если бы я договаривалась с клиентом, я бы увеличила срок как минимум в два раза. Не знаю, что за debil взял обычный срок...

– Ты полегче там, – незлобиво перебил абонент. – Между прочим, сама вызвалась работать в автономном режиме – никто за язык не тянул. И авантюра с Квадратом – твоя идея. Так что крутись – заказ должен быть исполнен в срок. Осталось три недели, так что...

– Не успеваем, – невозмутимо заявила Ли. – Я же сказала – нештатная ситуация. Заказчики должны это учитывать, так что, полагаю, согласятся на пролонгирование срока. И никакого ущерба для авторитета фирмы не будет – можешь мне поверить!

– Слушай, если чувствуешь, что поплыла, скажи прямо, – с некоторым раздражением посоветовал абонент. – Я пошлю группу экспертов, они быстренько разберутся и сделают все вовремя. А общаться с заказчиками по вопросу продления срока я не собираюсь – это просто безнравственно...

– Безнравственно?! – Ли зажала ладошкой микрофон и громко прыснула. – Ну, е-мое, ты даешь!

– Что там у тебя с телефоном? – недовольно поинтересовался собеседник. – Помехи?

– Они самые, – прокашлялась Ли. – Высылать экспертов нецелесообразно. Я всесторонне изучила обстановку и наметила пути решения проблемы. А у них уйдет на это как минимум неделя. И я гарантирую – ничего эксперты не сделают такого, что не могу сделать я. А вот напортачить – запросто. Ты мне веришь?

– Я тебе, конечно, верю, – быстро согласился абонент. – Ты знаешь, как я ценю твой профессионализм. Но срок, понимаешь, срок... Ты справишься за три недели?

– Мне нужно еще минимум десять дней к этим трем неделям, – непреклонно заявила Ли. – И твои эксперты, коль скоро ты все же раскошелишься отправить их сюда, скажут тебе то же самое – если больше не запросят. А если самому тебе с клиентами общаться не хочется по вопросу пролонгирования срока, дай мне их координаты – я сама все утрясу. Ммм?

– У вас там, наверно, жарко? – с угрюмой озабоченностью поинтересовался абонент.

– Да, до осенней прохлады еще далековато. А при чем здесь погода? – несколько удивилась Ли. – Как погода влияет на дела фирмы?

– А вот при том здесь погода! – рявкнул абонент. – Ты там, наверно, перегрелась! Координаты клиента просишь... Нет, ну ты вообще...

– Шутка, – миролюбиво промурлыкала Ли. – А десять дней – вынь да положь. Ты же меня знаешь – я зря просить не стану.

– Знаю, – согласился собеседник. – Придется из-за тебя унижаться. Ладно, работай... А что за проблемы личного характера?

– А это никого не касается – на то они и личные, – уклончиво пробормотала Ли. – Я сегодня эти проблемы аннулирую – не стоит разговора. Все?

– Багаж почему не просишь? – вспомнил вдруг абонент. – Ты как работать собираешься?

– Когда конкретно определяюсь – попрошу, – успокоила собеседника Ли. – Тот минимум, что у меня есть, меня пока устраивает. И вообще – с возрастом ты становишься не по чину суевливым. Береги себя – осанку не порть.

– погоди – появишься, я до тебя доберусь, – пригрозил собеседник. – Ты будешь громко кричать, но это не спасет тебя от грязного надругательства...

– Ба-ай! – пропела Ли и, щелкнув кнопку отбоя, добавила ворчливо: – Тоже мне, мечтатель Обломов...

Загнав «БМВ» на платную стоянку в паре кварталов от областной телестудии, Ли прихватила из салона дорожную сумку и минут пятнадцать изображала на ближних подступах к съёмочному павильону празднично гуляющую домохозяйку. Без пяти восемь к телестудии подкатила красная «Нива», из которой выпросталась дородная рыжеволосая дама в полосатой тройке и, с громким стуком захлопнув дверь своего авто, быстренько припустила к павильону.

Подождав еще три минуты, Ли приблизилась к «Ниве», по-хозяйски потряхивая связкой заранее припасенных ключей, в два приема открыла дверь, погрузилась в салон, покопалась с минутой с замком зажигания и неспешно отъехала от павильона. Спустя некоторое время «Нива» стояла в том же глухом скверике, где полчаса назад состоялся телефонный разговор с таинственным абонентом, никак не желавшим общаться с заказчиками.

Ли извлекла из сумки нечто вроде детского бракованного спасательного круга, пакет с аксессуарами визажиста, аккуратно сложенный клетчатый костюм, рыжий парик, овальное зеркало размером с хорошую сковороду и занялась перевоплощением, которое минут через двадцать благополучно и завершилось. Зафиксировав парик, Ли сделала несколько неуловимых штрихов кисточкой, поправила под костюмом надувные подкладки, неприятно липнувшие к телу, и попеняла своему отражению в зеркале: «Много кушаете, мадам Пономарева! Из-за вас теперь полдня потеть придется. Нехорошо!»

Достав липовые паспорт и водительское удостоверение на имя Марины Пономаревой, Ли положила их в свою объемную косметичку, туда же упаковала тяжелый сверток, пахнущий ружейной смазкой. Забросив дорожную сумку в багажный отсек, лже-Пономарева вышла из салона и несколько раз обошла машину, привыкая к новому облику.

– Нет, ну пороса и пороса, – с некоторой досадой констатировала Ли, рассматривая свое деформированное отражение в лобовое стекло. – Смотреть противно!

Взглянув на часы, Ли села в «Ниву» и погнала машину к северо-западной окраине города, в частном секторе которой обитали рыбаки и разнообразный уголовный сброд неопределенной ориентации. Для визитов, запланированных на сегодня, было немного рановато, и Ли решила обзавестись необходимым инвентарем.

До окраины ехать минут двадцать – пока Ли добирается, разрешите я посвящу вас, уважаемый читатель, в некоторые аспекты существования замечательного заведения, именуемого школой телохранителей «Абордаж», а также приоткрою завесу тайны над той стороной жизни славной девушки Алины, которая недоступна для родственников и близких знакомых.

«Абордаж» действительно существует и весьма популярен среди коммерсантов и разного рода деятелей с объемным кошельком, которые пользуются услугами лицензионных телохранителей, выпускаемых этим заведением. Располагается школа в живописном пригороде столицы нашей Родины, владеет собственным учебным центром за высоким забором, солидной материальной базой и инструкторами высочайшего профессионального уровня.

Эта школа, одна из немногих, готовит телохранителей-женщин. Несмотря на внешнюю привлекательность и светский лоск, выпускницы «Абордажа» – отменные бойцы, наделенные молниеносной реакцией и умением четко действовать в нестандартных ситуациях. Ли – старший

инструктор «Абордажа» с момента его возникновения, получает хорошие деньги за свой труд и между делом спит с хозяином заведения – неким Андреем Мартынюком. Не то чтобы она его любит – просто Ли нравятся сильные мужчины. Мартынюк – самый сильный из всех, с кем Ли довелось в этой жизни встречаться. Нет-нет, он не обладает бицепсами славного дядьки Арнольда и трапецией Саши Невского. Владелец «Абордажа» высок, сухощав и при первом знакомстве производит впечатление этакого лощенного интеллигента. Костюмы от Кардена сидят на нем как на профессиональной топ-модели. Мартынюк способен в считанные секунды убить голыми руками пятерых качков, стреляет на звук с завязанными глазами, но не это главное. Он силен духом. Этот тип может при кратковременном общении подавить волю любого опытного бойца, презирающего смерть, – люди из близкого окружения полагают, что Мартынюк обладает явно выраженными гипнотическими способностями.

Помимо официальной деятельности «Абордаж» промышляет кое-какими делишками, не вписывающимися в имидж заведения, призванного прилежно ковать защитников богатых сограждан и согражданок. Через хорошо законспирированную цепь посредников Мартынюк принимает заказы на ликвидацию дорогостоящих индивидов, которые стали неуютны своим конкурентам или партнерам по бизнесу, политике и так далее. В принципе «Абордаж» мог обойтись и без этого – фирма процветает и не нуждается в «сверхурочных» заработках. Просто Мартынюк, как витиевато выражается Ли, страдает «латентным комплексом шпиономании» – законопослушная жизнь его не устраивает. Он всецело отдается этой тайной стороне своего существования и не приемлет иного образа жизни.

– Приятно ощущать себя всемогущим, – как-то признался он Ли. – Смотришь по телику на эти холеные рожи и думаешь: грош вам цена, ребята! Вот сейчас вы кричите там о глобальных проблемах, судьбы страны решаете... И не подозреваете, что жизнь ваша в моих руках. Неделя работы для профессионала – и нет вас в анналах...

Заказы осуществляют люди, числящиеся в штате «Абордажа» инструкторами. Мартынюк тщательно обезопасил себя системой мер на случай провала исполнителей. Киллеры получают очень недурственные деньги за каждую акцию и уверены, что при возникновении осложнений шеф сделает все, чтобы вытащить их из передраги. Киллеры имеют семьи – Мартынюк подбирает исполнителей, повязанных родственными узами, одиночек держать на такой работе опасно: они неуправляемы. Киллеры знают, что в случае предательства им с огромным трудом удастся прожить хотя бы пару суток, а их семьи будут вырезаны под корень – прецедент имеет место, трехгодичной давности, но свеж в памяти, будто вчера случилось.

До недавнего времени, если акция осуществлялась где-то в регионе, исполнитель выезжал на место и в течение определенного периода изучал объект, его связи, планировал и проведение акции, и уход с места преступления. Мартынюк придумал простую систему: сначала работает аналитик, который все изучает и прогнозирует, а уже затем, когда все готово и осталось только нажать на спусковой крючок (дернуть за веревочку, надавить на гашетку, положить пальчик на кнопку пульта дистанционного управления), на место прибывает исполнитель. Исполнитель получает инструкции от аналитика, тренируется в сходных условиях (своеобразная генеральная репетиция), готовит средства реверсирования, быстренько проводит акцию и уматывает к чертовой матери. Аналитик, как правило, к этому моменту сидит дома и на всякий случай вполуха прислушивается к ежевечерним телесплетням – мало ли чего может случиться?!

В течение двух последних лет Ли выполняла функции аналитика и почти не «практиковала» – после продолжительного автономного «круиза» по Югославии и Чечне ее статус в структуре синдиката изменился. Мартынюк, поддаваясь сентиментальным порывам, старался ограждать Ли от превратностей «тайной борьбы», а иногда намекал, что собирается вывести ее из игры – то ли опасаясь неуправляемого характера своей первой помощницы, то ли имея

в отношении ее самые серьезные намерения житейского плана. Кроме того, как организатор, Ли оказалась на порядок выше остальных исполнителей «Абордажа».

В случае с белогорским заказом поначалу все шло как обычно: Ли отправилась на место, принялась изучать обстановку, «подступы к объекту»... и через некоторое время уперлась в обстоятельства, осложнявшие осуществление акции. Во-первых, объектов было четыре – случай сам по себе уже беспрецедентный. Во-вторых, каждый из заказанных имел высокий социально-политический рейтинг и не менее высокий уровень защиты. В-третьих, все заказанные поддерживали между собой тесные отношения, и при ликвидации кого-либо из них можно было не сомневаться в том, что остальные предпримут самые активные меры оборонительного характера. Понятно, скажем, если бы заказали ликвиднуть четырех «быков» из разных группировок – приставь к каждому по снайперу и в удобный момент мочи всех подряд. Но увы: разряд заказанных был стократно выше «бычьего». Хорошенько вникнув в обстоятельства и всесторонне рассмотрев объекты, Ли пришла к выводу, что в данном случае имеет место крайне нештатная ситуация. Получалось, что одна банда, состоящая, как в последнее время водится, из чиновников правоохранительных органов, крупных коммерсантов и просто бандитов и занимающая второе место в табели о рангах, решила потеснить правящую банду, состав которой мало чем отличается от первоуказанной. Не нужно было обладать незаурядными аналитическими способностями, чтобы с ходу определить: если устранить из устойчивой системы преступного сообщества, державшего «шишку» в Белогорской области, этих четверых ферзей, вторая группировка мгновенно выходит на позиции лидера.

Разобравшись в ситуации, Ли решила доложить об этом Мартынюку. Тут, однако, в поле ее зрения попал Виктор Борисович Круглов – финансовый магнат и безусловный обаяшка, способный очаровать кого угодно, в силу обстоятельств друживший чуть ли не со всеми нужными людьми области и далее, руководствуясь принципом «худой мир лучше доброй ссоры». Казалось, черт бы с ним – пусть себе дружит, но... Ли выяснила, что все четверо фигурантов предстоящей акции имеют обыкновение оттягиваться в огромной загородной резиденции Круглова, хорошо охраняемой и располагающей всеми удобствами для такого рода мероприятий.

Решение созрело мгновенно: Ли позвонила Мартынюку и сообщила, что берется осуществить акцию при условии, что он заплатит ей сумму, предназначенную для четырех исполнителей в обычном режиме. Мартынюк противиться не стал, напомнив о сроках и об ответственности, что ложится на Ли как единственного исполнителя.

Дальнейшее развитие событий вам известно: вариант с Кругловым провалился, кроме того, у Ли возникли личные проблемы, которые требовали скорейшего разрешения...

Добравшись до северо-западной окраины Белогорска, Ли заехала по заросшей травой грунтовке в зону брошенных дач и минут пятнадцать потратила на изучение полуразвалившихся хибар, с которых в незапамятные времена ловкие товарищи сняли и утащили все, что могло пригодиться в хозяйстве. Удовлетворившись результатами осмотра, дама покинула безлюдное местечко и вскоре притормозила возле первого попавшегося киоска с многообещающей надписью «ЕСТЬ ВСЁ!!!», где приобрела четыре бутылки ледяного пива и задала несколько вопросов сонной продавщице. Сев в машину, лже-Пономарева проехала пару кварталов и остановилась возле обшарпанного кирпичного здания в два этажа, над входом в которое красовалась покосившаяся табличка с уродливыми поплывшими буквами, извещающими, что здесь располагается общежитие №1 кунык знает кого (последние два слова на вывеске были безнадежно испорчены какими-то безобразными пятнами).

В удручающе ободранном холле имелась некая пародия на конторку, где на продавленном диване спало нечто опухшее неопределенного пола и возраста – судя по всему, вахтер. Растолкав нечто, Ли покрутила в воздухе десяткой и без обиняков выдала:

– Нужен мужик. С большущей елдой. Желательно со «спутниками».

– Второй этаж, семнадцатая хата, – прохрипело нечто, сноровисто сграбастав червонец, и понятно стало, что это дама, – остатки туши под глазами имели место. – Тама двое, оба со «спутниками». Токо спят они – рано еще.

– Разбудим, – бросила Ли, поднимаясь по скрипучей лестнице.

Какое-либо подобие замка на ветхой двери семнадцатой комнаты отсутствовало: сразу под жирной цифрой, намалеванной масляной краской, красовалась огромная дыра, через которую тянуло тяжелым перегаром.

– Однако, – сморщив носик, пробормотала Ли, заходя в комнату.

На двух матрацах в углу, обнявшись, как братья, храпели два здоровенных индивида среднего возраста, одетые в одинаковые спортивные костюмы неожиданного хорошего качества. Бритые черепа свидетельствовали о нежелании индивидов заниматься прической, а с десятков пустых бутылок из-под водки и два грязных шампура, валявшихся в углу, демонстрировали, насколько телесно крепки данные особи.

Полюбовавшись антропометрией индивидов, Ли удовлетворенно буркнула: «Пойдет...» – и крепко пнула в задницу того, что оказался поближе.

Бритый здоровяк заворочался и сел, прикрыв голову руками. Попытка что-либо сказать успеха не имела: из разверстого рта исторгся протяжный предсмертный стон.

– На. – Ли ловко откупорила две бутылки пива о батарею и протянула их страждущему.

– Во-о-о! – отреагировал бритый, осушив в несколько мощных глотков обе бутылки, и устался на даму. Дама терпеливо ждала. Спустя пару минут во взгляде бритого мелькнуло нечто похожее на искорку мысли.

– Че хочу? – хрипло поинтересовался он, с вожделием глядя на пакет в руках Ли.

– Там две бутылки осталось – ему, – пояснила Ли. – Мне нужен мужик с большой елдой. А желательно – два. А еще желательнее, со «спутниками».

– Можно, – не раздумывая согласился бритый, придирчиво окинув фигуру посетительницы с головы до ног. – Ничего, пухленькая. Таксу знаешь?

– Ну, приблизительно, – соврала Ли, пытаясь сообразить, сколько могут стоить услуги подобного рода. Сто, двести, триста?

– Полтинник за палку, – с достоинством сообщил бритый и уточнил: – За мою палку ты можешь отборчаться скоко влезет.

– Так вы этим зарабатываете? – удивилась Ли. – И что – мм... есть клиентура?

– А то! – гордо приосанился бритый, вставая и направляясь к Ли. – С таким добром грех вкалывать – спасибо маме с папой... Ты где хочешь?

– Тормози, – проскрипела Ли, жестом останавливая бритого. – Ну-ка покажи аппарат.

Бритый пожал плечами, приспустил штаны и без стеснения вывалил наружу выдающихся размеров детородный орган с непропорционально вздувшейся головкой.

– Сколько «спутников»? – деловито поинтересовалась Ли.

– Шесть, – в тон ответил бритый, пряча хозяйство обратно. – «Виноградная гроздь» называется. Ты это, разгоняйся пока – а то сухую сразу не войдет. А я шас поссу пойду, ну и...

– Не торопись, – поморщилась Ли. – Мне нужны услуги особого рода... Короче, надо опустить одного козла. В два смычка. Сколько возьмете?

– Во как? – удивился бритый, с интересом уставившись на собеседницу. – Ну ты залупила...

– Сколько? – настойчиво повторила Ли. – Если нет – я пойду других поищу.

– Так я че, я ж не отмазываюсь, – поспешно сказал бритый. – Опустить так опустить... Он кто?

– Он животное, – презрительно скривила губы Ли. – Охранник в службе безопасности одного кабака. Он изнасиловал девчонку со своими дружками, разворотили ей все там и выки-

нули на помойку... В общем, она после этого пыталась несколько раз покончить жизнь самоубийством. Сейчас лежит в смиренной рубашке, ничего не ест и в потолок смотрит...

– Точно, чмо – без базара, – согласился бритый, сплевывая на загаженный пол. – Такого токо пидарасить – больше с ним не фуй делать. Токо надо это... Ну, короче, доказы надо. Что ты не гонишь, а в натуре. А то мало ли кто че сболтнет – как бы потом непонятка не получилась...

– Будут тебе доказы, – уверенно кивнула Ли. – Я в вашем присутствии с ним поболтаю пару минут – и сразу станет все понятно. Устраивает?

– Ну можно – че там... Токо я как гоняю себе – там ведь потом может оборотка обломиться... Ну, как бы потом, в натуре, с предьявой не подкатили...

– После того как вы сделаете свою работу, эта тварь проживет не более часа, – увесисто пообещала Ли. – Это я тебе гарантирую... Сколько возьмете?

– Ну ты крутая, метла... – озабоченно пробормотал бритый, как-то по-новому глянув на собеседницу. – От блин... Ну, давай по двести штук на брата. Идет?

– В смысле, по двести рублей? – уточнила Ли.

– Ну а чего еще? – удивился бритый. – Ну так че?

– Пойдет, – Ли достала из кармана костюма розовую бумажку и протянула бритому. – Задаток. Триста – после работы. Давай буди своего друга, похмеляй – надо двигаться...

Спустя полчаса красная «Нива», имея на борту в качестве пассажиров двух бритых мужланов с волчьими взглядами, остановилась в тихом квартале Белогорска, у первого подъезда новой девятиэтажки улучшенной планировки. Достав фотографию из сумки, Ли проверила адрес на обратной стороне, бросила мужланам:

– Сидите тут – не высовывайтесь, – и направилась к подъезду.

– Слышь, сеструха, может, тебе помочь козла захомутать? – благородно предложил бритый № 1 – тот самый, с которым велись переговоры о предмете грядущего приложения усилий.

– Я сказала, что вам нужно делать, – бросила Ли через плечо. – Пока отдыхайте.

– Там киоск – за углом, – прорезался номер второй. – Ты пока ходишь, я по-быстрому за пузырем сбегаю. А?

– Не рановато ли бухать собрались? – Ли недовольно сдвинула брови. – Сначала дело – потом пузырь.

– Нам пузырь не для бухла нужен, – пояснил номер первый. – А для дела. Пусть бежит – тут два шага.

– Ладно, – согласилась Ли. – Только смотрите у меня...

Поднявшись на третий этаж, Ли вошла в тамбур и позвонила в квартиру № 9. Дверь открыла молодая дамочка заспанного вида, вопросительно округлила глаза.

– Супруга пригласите, – бодро попросила Ли. – Скажите – с работы, срочное дело.

– Заходите, – дамочка распахнула дверь. – Он еще спит.

– Я на пару секунд, – отказалась Ли. – Пусть выйдет – передам и побегу дальше.

– Ладно, – дамочка скрылась, оставив дверь приотворенной.

Ли зыркнула по сторонам, зацепила ногой коврик у соседней квартиры и подтащила поближе, затем достала из сумки бобину широкого упаковочного скотча.

– Что за дела в такое время? – явившийся здоровяк Жека был облачен в трико и тапочки, на лице – щетина и явное недружелюбие.

– Буквально два слова, – просительно протараторила Ли. – Дверь закройте, пожалуйста, информация сугубо конфиденциальная.

– Ну? – Жека захлопнул дверь и скрестил руки на груди.

– Держи, – Ли протянула Жеке скотч и достала из сумки девятимиллиметровую «беретту-93 Р» с глушителем.

Жека скотч взял – чисто автоматически, – но разинул рот и нехорошо дернул кадыком.

– Пойдешь со мной сам – не трону, – предложила Ли, наставляя ствол в живот хозяина квартиры. – Дернешься – продырявлю.

– Да ты... Ты кто такая? – нервно бормотнул Жека, мгновенно просыпаясь. – Че за фуйня? Да я тебя...

Ли поменяла угол прицеливания и нажала на спусковой крючок. Пукнуло, слабенько так, будто понарошку, пуля с чмоком вошла в мягкую кожу дверной обивки, Жека дернулся, почувствовав, как обожгло левую лодыжку, и опять открыл было рот, скорчившись в страдальческой гримасе.

– Заорешь – башку снесу, – пообещала Ли, с проворством циркового факира вставляя глушитель в разверстый рот подопытного. – Бегом засучил штанину и наложил четыре тура на рану. Ну!!!

Завороженно уставившись на взведенный курок, Жека осторожно сел, засучил штанину и на ощупь воспользовался скотчем, как было указано, – башкой крутить не посмел.

– Пошел вперед, – распорядилась Ли, забирая скотч и вынимая глушитель из Жекиного рта, и не удержалась – от всей души пнула здоровяка по бедру. – Шаг вправо, шаг влево – расстрел на месте. В магазине осталось четырнадцать патронов – так что будет дуршлаг... Пшел, живо!!!

Жека вскочил и проворно захромал к выходу, Ли двинулась следом, отбросив пропитанный кровью коврик за пределы тамбура.

– Вот ты, значит, какой – петушара, – удовлетворенно констатировал бритый номер один, приветствуя водворение подопытного в салон «Нивы». – Большой, сильный, красивый... И попа у тебя нетрудовая – жирновата чуток.

– Похудеет – за один сеанс, – мудро пообещал бритый номер два – и оба оглушительно заржали.

– Куда меня? – затравленно вякнул Жека, наблюдая, как один из бритых по команде Ли пеленает его запястья скотчем. – Куда? За что?

– В очко! – похабно подмигнул бритый, закончив работу. – За взлом лохматого сейфа, петушара! Все, сеструха, покатили.

Через полчаса езды по автострате свернули на заросшую травой грунтовку и, попетляв меж заброшенных строений, остановились в глухом местечке, куда не доносился даже лай собак частного сектора.

– Вылезай, приехали, – скомандовала Ли, выходя из машины и направляя пистолет на Жеку. – Напоминаю: шаг вправо, шаг влево – сам знаешь. Живо!

– Мне в конце концов объяснят, что здесь происходит? – выдавил Жека, покинув салон, – за время непродолжительного путешествия он не проронил ни слова, собираясь с мыслями и пытаясь определиться с моделью поведения. – Кому я дорогу перешел?

Бритые, оживленно потиравшие руки, на секунду замялись и вопросительно уставились на Ли – настало время предъявлять те самые пресловутые «доказы».

– Та девчонка, которую ты изнасиловал в воскресенье, почему-то не умерла, – с расстановкой произнесла Ли, глядя в сторону. – Она сейчас в коме, но успела мне шепнуть, что это ты ее так отделал своей большущей елдой.

– Какая девчонка?! – вытаращился Жека, пытаясь изобразить благородное негодование. – Я в воскресенье работал – какие, на хер, девчонки?!

– Она сказала, что у тебя «спутники», – бесстрастно сообщила Ли, потыкав пальцем в сторону Жекиной ширинки. – Четыре штуки. Ты ей так задницу разворотил – кровотечение полночи останавливали... Или ей твои шарики приснились?

Жека покраснел и шмыгнул носом, как нашкодивший подросток.

– Шарики у многих есть, – уклончиво пробормотал он. – Мало ли чего она могла наговорить...

– Не отрицаешь, значит, – кивнула головой Ли. – Тогда и болтать нечего – состав преступления налицо. Затащил девчонку в кабинет, избил до полусмерти, изнасиловал в извращенной форме... В общем – исключительная мера социальной защиты. На колени, мразь!!! – выкрикнув последнюю фразу, Ли прицелилась Жеке в голову и угрожающе сузила глаза.

– Почему я?! – слезно завопил Жека, рухнув на колени. – Я никого никуда не затаскивал – это Кулькин приказал! Я уже потом, после него! Там еще двое были – а у них болты не меньше, точно тебе говорю! Стой, стой – ну почему я один? Там же...

– Вопросы есть? – обернулась Ли к бритым. – Или продолжить?

– От ты чмо-о-о, – номер один сплюнул на землю и осуждающе покрутил головой. – До жопы, бля, раскололся, петушара. До самой гузки.

– Базара нет, сеструха, – щас загрузим, – значительно произнес номер второй. – Тебе от него ниче больше не надо? А то потом он будет не в себе, так что...

– Покажи мне тех, кто еще принимал участие в изнасиловании, – Ли веером развернула перед Жекиным лицом фотографии. – Может, тебе это зачтется.

– Зачтется? – встрепнулся Жека. – А это... А вот – эти двое. Санек и Жора. Телефоны нужны?

– Обязательно, – Ли достала ручку и записала телефоны. – И еще. У Кулькина два адреса, – Ли достала из сумки фотографию Кулькина и прочитала написанные на обороте данные. – По которому он проживает?

– Щепихина, 17, – выдал Жека, с тоской глядя на бритых. – Недавно дом построил, ремонтируется. А второй – адрес матери. Вы что собираетесь...

– Забирайте, – не дослушала Ли, пряча фотографию в сумку. – Больше мне от него ничего не надо.

– Что значит «забирайте»?! – завопил Жека, пятясь от бритых. – Вы че это в самом деле...

Шлеп! Номер два залепил Жеке смачную плюху, от чего тот споткнулся и сел на землю. Номер первый тут же подскочил и два раза умело пнул жертву в живот – Жека скрючился и застонал. Номер первый неуловимым движением извлек откуда-то опасную бритву, щелчком разложил и одним взмахом располосовал Жекины трико. Номер второй прыгнул на жертву, оседлал, пригибая голову к земле и мертвыми тисками зажал между ног. Жека отчаянно захрипел и начал дергаться сильным телом, пытаясь вырваться.

– Не дергайся, петух, – кастрирую! – зловеще прошипел номер первый, пристраиваясь сзади и прижимая тупую сторону бритвы к свисавшим детородным органам Жеки. Почувствовав прикосновение холодного металла, здоровяк замер, было слышно только его отчаянное мычание.

– А ты, падла, когда девчужке заправлял, наверно, сука, так делал? – Номер первый раздвинул Жекины ягодицы, смачно плюнул и поелозил пальцем. – Так, падла, а?! – приспустив штаны, он наставил свой чудовищно вспухший агрегат, готовый к употреблению, поерзал тазом и натужным толчком вошел в Жеку до упора.

Ли, внимательно наблюдавшая за процессом, болезненно поморщилась и потащила из кармана пиджака «Салем». Закурив, она достала миниатюрную видеокамеру, включила и направила на сопрягающиеся тела. Задушенно хрипел Жека, белым пятном ритмично мелькала задница первого номера. Ли курила и представляла себе, как плохо было Алисе, когда над ней издевалась банда здоровых мужиков. Чувство сострадания к Жеке отсутствовало, несмотря на его жалкий вид, беспомощное состояние и крайнюю жестокость деяния, выбранного в качестве акта мести. Этот человек с такими же подонками, как он сам, безжалостно надругался над ее сестрой, ее половинкой – Ли живо вообразила, как Лиса плакала и просила

ее не трогать, умоляла распаленных похотью самцов отпустить ее, говорила, что это ошибка, что она не имеет никакого отношения к тамошним проституткам...

– Ах как нам не нравится! – сквозь зубы процедила Ли, наблюдая за отвратительным действием. – Ах как нам жалко свою попку... Угу...

За последние годы Ли привыкла функционировать наподобие хорошо подготовленного к экстремальным ситуациям боевого робота: есть цель, продумай план, подготовь инвентарь, исполнителей и работай. Ни к объекту, ни к клиенту исполнитель не должен испытывать каких-либо чувств – в противном случае развивается психоэмоциональная зависимость. Сначала он тебе становится безразличен, затем ты ему симпатизируешь, затем тебе его жалко, а в конечном итоге, в самый последний момент, – ты просто не сможешь нажать на спусковой крючок. Или наоборот: сначала он вызывает у тебя вроде бы ничем не обоснованную антипатию, затем стойкую неприязнь, в конечном итоге – ненависть. Как правило, такое происходит, когда при подготовке акции ты «разрабатываешь» какого-нибудь ублюдка, у которого в архиве rastление малолетних, убийства с особой жестокостью, половые извращения и так далее. И вот ты, вместо того чтобы хладнокровно проводить по всем правилам обставленную акцию, начинаешь вкладывать в дело ликвидации вышеупомянутого субъекта всю душу, эмоции, переживания: одним словом, мстишь ему черт знает за что. А где эмоции и личная ненависть, там нет места хладнокровному расчету и точному прогнозированию ситуации. Обязательно напортачишь, ляпнешь где-нибудь от души, с размаху, поставив под угрозу срыва тщательно подготовленное мероприятие. Статистика прецедентов – просто удручающая...

В настоящий момент Ли не задумываясь отступила от жесткого свода правил, диктуемых спецификой ее профессии. И не потому, что была недисциплинирована или взбалмошна по натуре. Пострадала ее сестра, ее половинка, единственный в мире человек, ради которого она не задумываясь могла бы рискнуть жизнью. Какие, к черту, правила?! Стереть негодяев с лица земли, воздать им сторицей – вот единственный мотив, который будет царить над цепью сегодняшних безрассудств во благо справедливой мести...

Номера поменялись местами – первый сел Жеке на голову, второй пристроился сзади. Спустя несколько минут все было кончено: Жека лежал на земле, тонко рыдая и суча ногами, бритые мыли водкой вымазанные в крови и дерьме приборы, Ли курила четвертую сигарету и бесстрастно фиксировала все это на видеопленку.

– Поистине, пути Господни неисповедимы, – тихо пробормотала она. – Человек творит зло и не задумывается, что то же самое может произойти с ним самим... Но справедливость все же существует – вот наглядный пример...

– Какая, на хер, справедливость! – жизнерадостно воскликнул бритый первый, заканчивая гигиенические процедуры и приближаясь к Ли. – Право сильнейшего, сеструха, – вот тебе справедливость. Вишь – ты крутая, потому такой красный расклад вышел. Если этот петух с корешами отхарил бы какую-нибудь девчушку без «крыши» – ни хера бы не было. Гулял бы дальше себе и в ус не дул... Рассчитываться собираешься? И это – с пленкой потом что будешь делать? Может, не стоило бы...

– Держи, – Ли достала из сумки катушку скотча и протянула бритому. – Пленку никто не увидит – это для личного пользования. Затащите его в хибару и примотайте хорошенько к чему-нибудь, чтобы не уполз.

Бритые затащили Жеку в хибару, но приматывать было не к чему – голые стены. Спеленали скотчем ноги, выгнули дугой и примотали руки к щиколоткам.

– Так не дернет, – сообщил номер первый, отдавая Ли скотч. – Бабки давай.

Ли протянула бритому три сотенных. Приняв деньги, тот подмигнул даме и осуждающе покрутил головой:

– Ну ты крутая, метла, – совсем бесстрашная. Он же, падла, как очухается, побежит стучать...

– Он никуда не побежит, – пообещала Ли, пряча камеру в сумку и доставая «беретту». – Вы вот что – топайте пешком, тут недалеко. А я побуду с ним еще пару минут. Все – спасибо за работу.

Бритые лишние вопросы задавать не стали – быстренько потопали восвояси, почему-то вжимая головы в плечи. Ли ухмыльнулась. Опасения уголовников понятны – ввязываясь в такие сомнительные делишки, вполне можно рассчитывать вместо гонорара схлопотать пулю в голову. Отойдя метров на тридцать, бритые облегченно вздохнули, номер первый обернулся и крикнул:

– Ну ты, метла, если еще проблемы будут, подваливай! Все замастырим в лучшем виде. И это... короче, если ебстись захочешь – приходи, я тебя так, на халяву, сделаю. Уважаю таких.

– Ты меня больше никогда не увидишь, красавчик, – ответила Ли, заходя в хибару.

Жека лежал на полу и пытался разогнуться – получалось из рук вон. Заплаканное красное лицо, голая задница черт знает в чем – он был жалок и вызывал отвращение.

– Видишь, Женечка, как получилось, – тихо сказала Ли, направляя пистолет в пах связанного. – А ты, наверно, думал – побаловался с бабой, выбросил на помойку – и забыл. А в жизни не так все просто. Сейчас я отстрелю тебе яйца и брошу. В течение часа ты истечешь кровью и умрешь – гарантирую...

– Сука!!! – плаксиво крикнул Жека, кривя рот в страдальческой гримасе. – Сдохнешь, сука!!!

– Обязательно, – согласилась Ли, три раза нажимая на спусковой крючок. – Только после тебя... – И стремительно вышла, не обращая внимания на отчаянные вопли кастрированного огнестрельным способом Жеки...

Улица Щепихина располагалась на другом конце города, поэтому Ли подкатила к массивным железным воротам с выбитой на них цифрой 17 довольно поздно: судя по звукам разухабистой мелодии, доносившейся со двора, здесь уже не спали.

Осмотрев усадьбу, Ли пожала плечами: по сравнению с трехэтажными соседями одноэтажный особнячок Кулькина, едва видный из-за двухметрового забора, смотрелся более чем скромно.

– Скромность украшает человека, – буркнула Ли и нажала кнопку звонка.

– Кто? – поинтересовался динамик домофона приятным женским голосом.

– Геннадий Юрьевич дома? – ответно спросила Ли.

– Дома. А кто это?

– С работы – по срочному делу, – не стала оригинальничать Ли. – Вы ворота откройте, я на машине.

– Сейчас, – домофон отключился, зажужжал мотор – ворота неспешно поползли вправо.

– Какая преступная беспечность, – укоризненно пробурчала Ли, загоня «Ниву» во двор. – Этак целый взвод диверсантов можно провезти...

Кулкин, как изволил выразиться плохой человек Жека, действительно «ремонтровался». Стены сравнительно небольшого особняка темнели не успевшей еще просохнуть облицовкой с мраморной крошкой. Во дворе, вдоль забора, были нарыты геометрически правильные ямы – по всей видимости, для грядущей посадки деревьев. Кирпич в целлофане лежал ровными блоками, возвышалась солидная пачка листового железа, небольшие штабеля разнокалиберных досок – все аккуратно и бережно, будто и не русский мужчинка строился.

Ли вышла из машины и тут же подверглась нападению. Двое молодых, черных, как безлунная ночь, ризеншнауцеров – пол с ходу не определила, – выскочив из-за угла, принялись прыгать на нее и притворно лязгать зубами, суматошно вслаивая. Несколько секунд хватило, чтобы понять: собаки желают играть с непрошеной гостьей, а есть ее пока не собираются.

– Какие невоспитанные псы, – осуждающе пробормотала Ли, отмахиваясь от игрунов. – Чужого нужно кушать, а не заигрывать с ним. И где вас дрессировали? – И, цыкнув на собак, осторожно заглянула за угол дома. Под обширным навесом покоился сварочный аппарат, ацетиленовый генератор и три баллона с кислородом. Тут же, как бы довершая апофеоз строительно-деловой активности, пыхтел смуглый крепыш в спортивных трусах – стремительно мчался по беговой дорожке, расположенной в углу импровизированного сарая, и сосредоточенно смотрел на табло с результатами. Правое ухо крепыша было залеплено пластырем.

– Что-то привезли? – Ли от неожиданности вздрогнула – белоголовая юная особь в коротеньком махровом халатике возникла возле «Нивы» неожиданно, словно подкралась вдоль забора.

– Ага, привезла, – Ли оценивающим взглядом окинула особь – ноги длинные, глаза голубые, большие и глупые до крайности, грудь торчком. Стандарт. – Привезла, а разгружать некому... Дома есть еще кто?

– Я да Гена, – особь кивнула в сторону навеса. – Ему еще минут пятнадцать бежать – пока не закончит, лучше не отвлекать. А что привезли? – особь с любопытством заглянула в салон.

– Мешок пиздюлей от дяди Васи, – грубо пошутила Ли, подхватывая особь под локоток и подтаскивая ближе к дому, чтобы Кулькин не увидел из-под навеса.

– Ай! Чего это вы?! – удивилась особь. – Вы что себе позволяете?!

– Ты явно не жена, – предположила Ли, достав пистолет, и красноречиво покачала стволом, опасливо покосившись на ризенов, – те на проявление агрессии со стороны гостя никак не отреагировали. – И на сестру не похожа. Разве что на внебрачную... Ты шлюха?

– Подружка, – особь обидчиво поджала губы и опасливо уставилась на пистолет. – Это налет?

– Это хуже, – не стала врать Ли. – Налет, если ты не в курсе, – это когда хотят забрать ценности, а убивать всех подряд целью не ставят. Ну, разве что случайно...

– А что – будете убивать?! – особь разинула рот и два раза устрашающе хлопнула ресницами – сейчас грохнется в обморок.

– Тебя не буду, – успокоила Ли. – Если будешь вести себя прилично.

– Я буду, буду, – пообещала особь и с готовностью поинтересовалась: – Что надо делать?

– А вот делать как раз ничего не надо, – пресекла попытку к сотрудничеству Ли. – Тебя как звать? Давно с Кулькиным?

– Света, – представилась особь, не отрывая взгляда от пистолета. – А с Кулькиным... Ну не знаю – когда он меня хочет, он звонит. Бабки, естественно, подбрасывает, шмотки – когда как...

– Ясно. – Ли потащила Свету в дом, псы радостно загальдели и попытались вломиться следом. – Брысь, блохастые! – Ли захлопнула перед косматыми мордами дверь и сообщила Свете: – Ты влипла, девочка. Я укокошу Кулькина и исчезну навсегда. А тебя будут с пристрастием допрашивать его дружки – пытать будут и пихать всякие нехорошие штуки в самые неподходящие места. А ты им ничего хорошего сказать не сможешь – я в гриме, и описание внешности ничего не даст. Они запытают тебя до смерти – гарантирую.

– Другого варианта нет? – отчаянно пискнула Света, проявив незаурядную сообразительность.

– Есть. – Ли потыкала глушителем в чистый лобик пленницы и угрожающе округлила глаза. – Я тебя просто пристрелю – чтобы свидетелей не оставлять.

– Ой как плохо, – чуть не плача пробормотала Света. – Ничего нельзя сделать?

– Можно, – великодушно бросила Ли. – Лично против тебя я ничего не имею. Я тебя запру в ванной или в сортире, а когда все сделаю, отпущу. Кстати – наручников в доме, случайно, нет?

– Есть, – с готовностью призналась Света. – В спальне, в тумбочке. Ключи тоже там.

– Зачем в спальне наручники? – удивилась Ли.

– Гена любит с наручниками, – смущенно призналась Света. – Пристегнет к батарее – и раком. Страшно возбуждается.

– Сволочь, – констатировала Ли, заходя вместе со Светой в спальню и надевая ей наручники. – Ключики пока побудут у меня. Как все закончится, я тебе их презентую. А ты тотчас же сядешь на поезд и смотаешься из города. Тебе есть куда смотаться?

– Есть, – воспряла духом Света. – Есть куда... Только сразу не получится – мне надо домой за бабками заехать.

– Заезжай, – согласилась Ли. – Но помни – после того, что произойдет, каждая лишняя минута в этом городе для тебя – смертельно опасна. Итак?

– Запирай, – решительно согласилась Света. – В ванной как раз шпингалет крепкий – снаружи.

– Собаки твои или Кулькина? – зачем-то поинтересовалась Ли, водворив Свету в ванную и заперев дверь на шпингалет.

– Черт его знает, – приглушенно ответила из-за двери Света. – Он хотел собак – злющих, чтобы усадьбу охраняли. Дал бабки, я пошла на Птичий рынок и купила этих. В это воскресенье и купила. А они совсем не злющие и на ковер насрали. Гена их за это арапником отстегал.

– Гулять выводить надо вовремя, – ворчливо пробормотала Ли, покидая Свету. – Стегать вы все мастера.

Выйдя во двор, Ли посмотрела на часы. Судя по времени, Кулькину оставалось бегать еще минут десять. Псы, обрадовавшись появлению дамы, опять принялись скакать вокруг, норовя в шутку укусить за бедра.

– Подкладку порвете – пристрелю, – серьезно пообещала Ли, погрозив собакам пистолетом, и гостеприимно открыла дверь дома. – Идите – ковер в вашем распоряжении.

Ризены просить себя дважды не заставили – тотчас же шмыгнули в дом. Захлопнув за ними дверь, Ли спрятала пистолет за спину и, обогнув угол здания, направилась к навесу.

Зайдя за дом, Ли обнаружила еще одну деталь, которую не заметила при первичном беглом осмотре из-за угла. В глухом конце двора стояла грузовая тентованая «Газель», в кузове которой топорщились какие-то ажурные железки. Целясь в смуглую спину Кулькина, лоснившуюся от пота, Ли медленно приближалась к навесу, переводя взгляд с кислородных баллонов на «Газель», и лихорадочно анализировала внезапно пришедшую в голову шальную идею из разряда полусумасшедших фантазий не на шутку рассерженного супружеской изменой газосварщика третьего разряда. Подобравшись к лоснившейся спине бегуна на четыре метра, она весело бормотнула: «А почему бы и нет?!» – и скомандовала:

– Финиш! Ты дисквалифицирован за плохое поведение.

Кулькин обернулся, продолжая бежать, увидев пистолет, он прыгнул с дорожки и дисциплинированно положил руки на затылок, сделав при этом метровый шаг к внезапной гостье.

– Ты это брось, Геннадий, – укоризненно пробормотала Ли, отступая назад. – Знаем мы, знаем, что спортсмен и отменный рукопашник. А потому щадить не станем: одно неверное движение – пуля в ногу, рецидив – в голову. Я понятно изъясняюсь?

– Ага, понятно. – Кулькин внимательно осмотрел Ли, пошевелил губами и озадаченно покрутил головой. – Непонятно только – что по чем. Никому ничего не должен, никого не обижал... Ты чьих будешь?

– Спокоен, как удав, – констатировала Ли. – Но память у тебя ни к черту. В воскресенье изнасиловал девчонку, а в среду уже не помнишь?

– А-а-а, вон оно что! – Кулькин отчего-то вдруг повеселел, руки с затылка убрал и вразвалку двинулся к Ли. – Так ты из комитета по защите шлюх...

Пук! Пук! – Ли опустила ствол и два раза нажала на спусковой крючок: обнаженные лодыжки спортсмена мгновенно утратили по куску плоти, обильно хлынула кровь.

– Да ты совсем е...нулась, стервоза!!! – орать Кулькин не стал – упал на задницу, методически грамотно стравил воздух сквозь плотно сжатые зубы и, пересиливая боль, глухо пообещал: – Да тебя за такие приколы на куски порежут, тварь!

– А никто не узнает – и резать некому будет. – Ли беспечно пожала плечами и демонстративно поменяла магазин в пистолете. – Я тебя предупредила: неверное движение – пуля в ногу. Ты сделал два движения. Следующие на очереди – руки, потом детородные органы. Внимательно слушай команды – меньше проблем будет. Ну-ка, ползи к столбу. Живо!

Кулькин встал на четвереньки и пополз к столбу, подпиравшему навес. Добравшись до столба, вопросительно оглянулся на Ли. Во взгляде раненого она уловила страх и полнейшую растерянность.

– Что и требовалось доказать. А то я уж думала, что тебя всего искромсать придется, чтобы в чувство привести, – удовлетворенно пробормотала Ли и скомандовала: – Сядь к столбу спиной, руки подними вверх и заведи назад. Шевелись!

Кулькин послушно застыл в неудобной позе, обняв столб обратным хватом. Ли шустро замотала ему руки скотчем, скотчем же перебинтовала раненые лодыжки, простенько пояснив:

– Все равно сдохнешь через час – так что инфекции опасаться нечего. – Села напротив, скрестив ноги, и чистосердечно изложила свой нехитрый план, кое-что приврав для пущего эффекта: – Я сестра Алисы Сергеевой. Сейчас в гриме – не ищи знакомые черты. Страдаю хроническим киллеризмом с предрасположенностью к сезонным обострениям. Сейчас – как раз сезон. Тебя уговариваю потому, что ты мне кое для чего нужен, – иначе давно бы уже замочила. Чтобы ты проникся всей серьезностью момента, предъявляю вещественные доказательства.

Ли достала телефон, отщелкала номер Жеки и, зайдя сзади, приложила к здоровому уху Кулькина.

– Поинтересуйся у вдовы, куда делся твой начальник СБ. И скажи, чтобы не порола горячку, – звонить никуда не надо, ты его поищешь и через часок позвонишь...

– Алло? – болезненным голосом проскрипел Кулькин. – Ира, ты? Жека где?.. Ага... Не понял – как это в одном трико?!. Наша сотрудница?.. Ага... – Тут Ли приставила глушитель к голове Кулькина и многозначительно кашлянула. Кулькин сжался, сосредоточился и выжал покровительственные нотки: – Ну-ну, не кипи – я поищу его, через часок перезвоню. Давай...

– Не понял... Ты сказала «у вдовы»? – переспросил Кулькин. – Я не ослышался?

– Ты не ослышался, – подтвердила Ли, доставая из сумки видеокамеру. – Теперь посмотри сюда. – Перемотав пленку на начало, она включила режим просмотра и приблизила окуляр к правому глазу Кулькина.

– Что... что это? – спустя минуту Кулькин не выдержал и отвернулся в сторону, голос его сел до шепота, на успевшем высохнуть после тренировки лбу опять выступили капельки пота. – Это... Жека? Это кто его?

– Время в уголке видел? – проигнорировала Ли дурные вопросы. – Это произошло немногим более часа назад. Потом я отстрелила ему хозяйство и бросила там умирать, предварительно крепко связав. По моим подсчетам, он умер минут двадцать назад. Поэтому я и назвала Иру вдовой.

– Ты просто чудовище, – хрипло прошептал Кулькин, избегая встречаться взглядом со своей мучительницей. – Разве можно – вот так? Так спокойно, так просто...

– Рот закрой, ублюдок, – беззлобно оборвала его Ли. – Не тебе об этом говорить, тварь. Сейчас эти мужчинки сидят в двухстах метрах отсюда, в тачке, и ждут команды. Прошло более часа – они вполне восстановились. Следующий – ты. Я, кстати, собираюсь эту пленку пустить в оборот – неплохие кадры. Вот только дозапишу еще кое-что... Как ты думаешь, что тебя может спасти от позора?

– Что? – встрепенулся Кулькин. – Что может спасти?

– Беспрекословное повиновение и сотрудничество с судебным исполнителем. – Заметив, как у подопытного округлились глаза, Ли поспешила уточнить: – Это я – судебный исполнитель. Исполняю волю Высшего суда. За сотрудничество – некоторое снисхождение.

– Что надо делать? – быстро поинтересовался Кулькин.

– Надо вызвонить сюда вот этих двух типов, – Ли достала из сумки фотографии и помачала перед носом жертвы. – Я набираю телефон, ты говоришь... Они тебя слушаются?

– Что за вопрос? – удивился Кулькин. – Естественно! Только я хотел оговорить условия...

– Никаких условий, – Ли отрицательно помотала головой и начала набирать первый номер. – У них оружие имеется?

– Нет, оружие им не положено. – Кулькин кивнул в сторону дома: – Со Светкой – что? Ты ее тоже – того?

– При чем здесь девчонка? – Ли приложила телефон к здоровому уху Кулькина. – Когда все кончится, я ее отпущу. Ты только не дури – говори нормально.

– Кончится, – тоскливо пробормотал Кулькин. – Кончится... Ннн-да...

Спустя пять минут два типа, нужные Ли, были вытребованы Кулькиным с немедленной доставкой на дом. Захватчица села напротив пленника, скрестив ноги, и продолжила беседу:

– Вообще-то эти два дебила тут сбоку припека. Рвать им задницу, наверно, не буду – просто пристрелю. Жека, мир его праху, виновен в ношении большой елды – потому так жестко с ним обошлась. А ты – основной мерзавец, ты всю кашу заварил – тебе особые почести. Скажи, что я не права?

– Она мне ухо откусила, – слезно пожаловался Кулькин. – Ей-Богу, не хотел! Можешь проверить – у меня самый посредственный пенис! Когда я ее... ну, когда у нас все получилось, она чувствовала себя нормально – могла дальше ужинать идти. И даже ухо мне откусила! Я же в больницу уехал; когда эти изверги ее там обрабатывали, мне перевязку делали. Ну откуда я мог знать, что так получится?! Ей-Богу, это их инициатива, я команды не давал! А ты говоришь – сбоку припека. Тут еще разобраться надо...

– Значит, ты светлый и чистый? – Ли нехорошо сузила глаза, задумчиво почесывая глушителем висок и немигающе глядя на Кулькина. – Может, тебя совсем реабилитировать, радость моя? Ты там сидел себе, пил сок, а она, стерва, сама приперлась к тебе в кабинет, напрыгнула и откусила ухо?

– Слушай, я виноват, признаю, – проникновенно забубнил Кулькин. – Но мы же поквитались! Слушай, я все забуду – отвечаю! И Жеку, и этих двух пацанов, которых ты собираешься грохнуть. Никому об этом не скажу, клянусь тебе! Жека мне другом не был, козел елдастый... Вас с сестрой никто не тронет – можешь мне поверить. Раз уж так получилось – мы же сами первые виноваты, ага... Да не смотри на меня так – я тебе слово мужика могу дать, что все забуду! Я тебе даже бабки дам – отступного. Сколько хочешь?

– Слово мужика – это хорошо, – как-то загадочно протянула Ли и, кивнув на баллоны, лежавшие под навесом, внезапно сменила тему: – Кислород тебе для чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.